

Карина
Демина
**МОЯ
СВЕКРОВЬ**
И ДРУГИЕ
ЖИВОТНЫЕ

Карина Демина
Моя свекровь и
другие животные
Серия «Девушка без права на ошибку.
Звезды юмористического фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34621776
Моя свекровь и другие животные: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109197-2

Аннотация

Что делать, когда тебя похитили инопланетяне, но не на опыты, а в желании немедленно устроить твою личную жизнь? Сопротивляться. Лучшее брачное агентство в Галактике обещает личное счастье с гарантией? Не надо верить. Тем более жених-то какой-то сомнительный, звероподобный и явно не горит желанием сочетаться узами законного брака.

Но от счастья, тем более с гарантией, так просто не уйдешь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	26
Глава 2	48
Глава 3	61
Глава 4	72
Глава 5	79
Глава 6	97
Глава 7	107
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Карина Демина Моя свекровь и другие животные

© К. Демина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

За спиной почтеннейшей Арагами-тари садилось солнце. Медленно. Степенно. Оставляя на небесах бледно-лиловый след.

Нкрума смотрел на солнце, чтобы не смотреть на матушку.

И все же хвост нервически подергивался.

Зудел даже.

То ли от волнения, то ли все-таки хватанул на прогулке десяток-другой песчаных блох. Второе было куда вероятней, потому как зуд усиливался. Еще немного, и Нкрума, забывшись, почешется.

Тогда матушка спросит...

Он ответит.

И ничего-то хорошего из этого не выйдет. А он не виноват, что блохи на него просто-таки слетаются. Он и на собственном корабле умудряется их цеплять, хотя тот уже продезинфицирован от дюз до последней кастрюли на камбузе.

Но нет же.

– Дорогой, – матушка ухватила Нкруму за ухо и легонько сдавила. – Мне кажется, ты меня не слушаешь.

– Как можно?! – почти искренне воскликнул адмирал и второе ухо прижал к голове. На всякий случай. Зуд на миг отступил, зато возник детский страх, что вот сейчас особо

пакостливое насекомое выберется из гривы – да на матушкины лакированные коготки.

Нет, визжать она не станет.

Но велит отправиться в умывальни, а следом отправит выводок служанок со старухой Ашей во главе. И, как в далеком детстве, Нкруму с головой сунут в грязевую ванну, от которой к шкуре цепляется крепкий серный запашок, а после будут сутки мучить, вычесывая мелким гребнем.

– Вот и мне интересно, – матушка ухо выпустила. – Как можно поступать столь безответственно! Ты отверг брачные предложения...

– Мне они неинтересны.

Ухо ныло.

Хвост Нкрума спрятал под стулом.

– Тебе – нет, но ты подумал о роде? – Матушка встала между Нкрумой и окном, узкой спиной заслоняя солнце. – Конечно же нет. Лучшие из лучших... достойнейшие из достойных... Сто сорок пять матерей! Как мне смотреть им в глаза, а?

Глава рода Тафари была еще не стара.

Она произвела на свет пятерых сыновей – последних трех исключительно в надежде родить дочь и наследницу, – о чем на словах гордилась, а в глубине души сожалела. Однако роды не лишили ее ни прежней силы, ни стати, а вот характер, по словам отца, испортили окончательно.

Впрочем, она никогда-то не отличалась благонаравием.

– Ты отказал всем! Всем! – она щелкнула Нкруму по носу, и тот опустил голову. – И мне пришлось сделать вид, что я согласна с твоими аргументами, хотя порой они были оскорбительны...

– Мне жаль.

Жаль не было.

Нисколько.

Единственное, о чем Нкрума и вправду сожалел, – вряд ли вчерашние брачные предложения были последними. И значит, рано или поздно, но матушка добьется своего.

Уж лучше с пиратами воевать, право слово.

А на границе, поговаривают, вновь волнения. И отпуск, предоставленный ему Советом, подходит к концу. И дождаться бы, тогда, глядишь, он получит еще пару-тройку лет спокойной жизни вдали от дома.

– Ты не понимаешь, что натворил, – теперь в матушкином голосе слышалась печаль. – Ты мой самый перспективный детеныш... а все равно глуп как самец!

И по лбу треснула.

Так, что в голове загудело.

– Тебе бы все воевать и воевать, а о родном мире и не думаешь. Думать – для тебя слишком сложно. Что ж, ты не оставил мне выбора.

Сердце замерло.

Неужели она...

– Ты обещала!

– В минуту слабости, не иначе. Или мигрень тогда случилась? – Матушка на секунду задумалась, пытаясь вспомнить, что же было с ней такое, если она, Арагами Каменная, дала столь глупое обещание. – Но не печалься, дорогой, я нашла выход, который устроит нас обоих.

И по щеке погладила.

Стало совсем дурно: ласковой матушка становилась перед тем, как огласить очередное решение, которое пришлось бы не по нраву прайду.

– Я обещала, что ты сам выберешь себе невесту. Что ж, пускай... Но ты слишком долго тянул с выбором и поставил меня в крайне неудобное положение. Наш род не так силен, а теперь в Совете прайдов многие оскорблены. Они запомнят не сам факт отказа, но то, как ты позволил себе это сделать. Говорят, я утратила хватку, если не способна контролировать собственных сыновей.

Матушкины клыки щелкнули.

Это, конечно, зря... она не станет отвечать. Пока. Но запомнит, кто именно сказал подобную глупость, чтобы затем на практике доказать, сколь не прав он был.

Нкрума поежился.

Нет уж, пираты, граница... граница и пираты. Почти мечта.

– Поэтому ты должен жениться, дорогой. И если уж я не способна найти ту, которая составит тебе достойную пару...

Нкрума потер шею, радуясь, что она еще свободна от

брачного ошейника.

– Пусть это сделают специалисты.

– Что?

– Агентство «Золотой лепесток», – матушка подвинула визор. – Судя по рейтингу, в нашем секторе они лучшие. Сто сорок пять лет плодотворной работы. Сотни тысяч заключенных браков. Процент разводов минимален, хотя нам это неинтересно, конечно... развод недопустим.

Шея заныла.

И дышать стало тяжело.

– Завтра в три пополудни придут консультанты. Я пообещала, что ты встретишься с ними. Изложишь свои пожелания... – Матушка пригладила встрепанную гриву Нкрумы. – А они подыщут девушку... девушек... ты выберешь ту, которая тебя устроит. Ясно, дорогой?

Нкрума обреченно кивнул.

– Я спрашиваю, ясно ли?

– Да, матушка.

– Вот и чудесно. Это я оставляю, – она протянула визор. – Загляни на их сайт, полистай анкеты. Возможно, тебе кто-нибудь приглянется. Только, дорогой, ты вот над чем подумай. Конечно, сейчас ты нервничаешь и перевозбужден, а это приведет к вспышке агрессии.

– Нет!

– Не перебивай маму! – Матушка дернула за шерсть. – И у тебя появится желание выкинуть что-нибудь такое...

глупое и шокирующее. Но учти, что жить с той, которую ты выберешь, придется тебе же.

Могла бы и не напоминать.

Матушка удалилась.

Солнце, зависнув на мгновенье над черным зевом расщелины, все ж нырнуло в нее, предпочтя разумный суицид неразумному противостоянию главе рода Тафари. И Нкрума остался в гордом одиночестве.

Или почти в одиночестве.

На столе тускло мерцал визор, и мерцание это вызывало смутное желание взять и опустить на экран что-нибудь тяжелое, к примеру, любимую матушкину вазу из полированного телевизийского гранита.

Но Нкрума вздохнул.

Хватит.

Этак и вправду от рода отлучат, и все бы ничего, но... он когтем подвинул визор и, пользуясь редкой в доме минута затишья, поскреб хвост. Зуд утих, но ненадолго. А экран вспыхнул, пошел рябью, которая разродилась россыпью золотых лепестков.

Заиграла нежная мелодия.

А вкрадчивый голос произнес:

– Мы устроим ваше личное счастье...

В это мгновенье песчаные блохи показались не самой большой бедой.

Несколькими часами позже

Покои младшего брата выходили окнами на пустыню. Голую. Почти безжизненную. И свет трех лун окрашивал ее в бледно-серебристые тона. Где-то вдалеке скрипели песчанники, завлекая самок.

– Ты уверен? – Гарджо развалился на подоконнике.

И пустынный ветер, пропахший запахом почти спелой айтши – надо полагать нынче ночью братец, в очередной раз нарушив запрет, рискнет и совершит вылазку в Древний город, – ерошил его длинную темную гриву.

– Я уже ни в чем не уверен.

А может, с ним пойти?

Когда-то Нкрума неплохо изучил пустынные тропы. Интересно, под старым камнем, который ветра то укрывали песками, то вновь обнажали, все так же обретаются многоноги?

А гнездо остроголовых змей уцелело ли?

И если да, сколько в нем самок?

В последний свой визит Нкрума насчитал почти дюжину – редкий случай. Если повезет, получится стянуть пару-тройку кожистых яиц.

Матушка, помнится, в тот раз впервые голос повысила.

Змей она не любит.

– Ну да... – братец поскреб ухо.

Тоже блохи?

И хвост вон дернулся, мазнул кисточкой по ковру.

– И что ты предлагаешь?

Визор с раскрытой и честно или почти честно заполненной анкетой лежал рядом. Одно касание, и анкета уйдет, чтобы навсегда изменить жизнь Нкрумы.

– Допустим... послушай маму.

– А сам?

– До меня еще не скоро очередь дойдет. – Гарджо был младшим в семье, а потому искренне полагал, что взрослеть ему вовсе не обязательно. И матушка по неизвестной прихоти поддерживала в нем эту уверенность.

Может, ждала, когда он притащит в дом змеиные яйца?

– Когда-то и я так думал, – вздохнул Нкрума, отодвигаясь от визора. – И не только я.

– Да ладно.

Братец проводил взглядом толстую бабочку-белянку, впорхнувшую в окно. Та заплясала, закружилась, роняя с крыльев белесую пыльцу.

И по комнате поплыл сладкий аромат переспелой джарвы. Захотелось пить.

И на свободу.

На свободу больше...

– Что страшного в женитьбе? Всем рано или поздно приходится...

– Посмотрим, как ты запоешь, когда твоя очередь наступит.

– Не скоро, – младшенький оскалился. – Я не собираюсь

совершать выдающихся деяний, а значит, хорошую партию мне не предложат. А без хорошей партии матушка настаивать не будет. Так что, братец, сам виноват. Сидел бы на своей границе тихо, гулял бы свободным. Нет же, подвигов захотелось.

В чем-то он, баловень, был безусловно прав. Но вся натура Нкрумы отказывалась эту правоту признавать.

– А вообще, выбери кого-нибудь. Если все равно, то просто закрой глаза и ткни пальцем.

– Нет.

– Почему?

Бабочка носилась вокруг лампы, ударяясь об абажур, и тогда рыхлая пыльца падала едва ли не комками, а в аромате проскальзывали гнилостные нотки.

– Потому... – Нкрума вздохнул. Как ему объяснить?

И не только ему.

Братец не желает понимать очевидного.

Брачный ошейник – это далеко не просто ритуальное украшение, которого рано или поздно удостаивается любой круонец. Это ошейник и есть.

– Отец счастлив...

– Ему так приказано, – огрызнулся Нкрума. – Пусть бы только посмел не быть счастливым... посмотри на Джая...

– А что с Джаем?

– Ничего.

– Да успокойся ты. И объясни толком, – братец сел, и

хвост его раздраженно щелкнул по подоконнику.

– Толком?

На визоре вспыхивали и гасли золотые лепестки.

И время от времени раздавался тот самый вкрадчивый голос с угрожающим обещанием обустройства личной жизни.

– Толком... раньше Джай делал то, что считал нужным. А теперь – то, что полагает правильным его дорогая супруга. Маррет... его когда-то называли надеждой Шадара. И в итоге? Эта надежда надышаться на свою красавицу не может, разве что туфельки в зубах за нею не носит, и то только потому, что боится ткань попортить. Берго...

– Хватит, – младшенький махнул рукой. – Я понял. Ты боишься повторить их судьбу.

– Еще как.

Нкруму передернуло.

А может, ну его? Матушку, род, Совет Галактический... тоже ничего хорошего, одна сплошная бюрократия... пусть отлучают. И тогда он, Нкрума Безымянный, будет свободен.

Отправится на границу.

Не адмиралом – безродным не положена своя эскадра, – а обыкновенным наемником. Припишется к какому-нибудь боевому шлюпу и заживет простой и понятной жизнью, где не будет иных обязательств, нежели прописанные в типовом контракте.

Красота.

– Ты боишься женщин! – младшенький соскользнул на

пол и потянулся до хруста в костях. А кости его, еще окончательно не застывшие, хрустели как-то особенно смачно. — Наш бесстрашный адмирал боится женщин!

— Любой нормальный круонец, если он в здравом уме, боится женщин.

Младшенький захихикал.

Вот же... никакого понимания момента. Тут, может, вся жизнь перед глазами пролетает, усыпанная треклятыми лепестками, а он хохочет, как ошалевший грахан.

— Ладно, давай сюда свою анкету.

— Стой!

Но младшенький успел сграбастать визор.

— Так, это о тебе. Имя, пол, возраст, статус... ничего интересного. Увлечения. Братец, ты что написал?

— Вышивание. Крестиком, — Нкрума попытался ухватить младшенького за хвост, но тот оказался на диво прыток. И хвост убрал вовремя, только кисточкой по носу щелкнул. — Мне и вправду нравится...

— Это я знаю, что тебе нравится, но, поверь, это несерьезно. Вот ты хочешь, чтобы твоя будущая супруга с тобой считалась? Хочешь или нет?

Нкрума тяжело вздохнул.

— А кто будет считаться с существом, которое, уж прости меня, в свободное время крестиком вышивает?

Это он зря.

Вышивание успокаивало. Помогало сосредоточиться. Да

и вообще расслабляло. И ничего-то зазорного в этом занятии Нкрума не видел.

– Нет! – палец брата мазнул по визору, стирая информацию. – Ты должен внушить к себе уважение еще на этапе знакомства! Я имею в виду заочное знакомство. Так, увлечения... Охота на пиратов? Нет, как-то не звучит. Коллекционирование... Да. Предмет коллекции? Допустим, уши и иные конечности. Иногда физиология не предусматривает наличия ушной раковины. Пишем: и иные конечности асоциальных элементов... Внушает?

– Отдай!

– Обойдешься. Я тебе помогаю, – братец вскарабкался на подоконник. – Вот увидишь...

И вниз сиганул, только хвост мелькнул.

– Стой!

Нкрума взлетел на подоконник. В лицо пахнуло остывающим ветром.

– Стой!

– Догони, если сможешь! – крикнул братец и, зажав в зубах визор, бросился прочь.

Сможет?

Думает, что Нкрума слишком стар стал, чтобы в пустыню выбираться?

Он соскользнул вниз, привычно цепляясь когтями за неровную стену дома. Взлетели растревоженные бабочки, и старый паук заскрежетал, выражая недовольство таким

вмешательством в охоту. Что ж, Нкрума его понимал.

Он остановился, на мгновение вдохнув еще горячий воздух.

Прислушался.

Загудели сторожевые камни, но вскоре успокоились: братец миновал преграду, не потревожив чувствительные нити. Что ж, и Нкрума знал пару-тройку способов выбраться из поместья.

Свобода?

Этой ночью он будет свободен.

Он тенью проскользнул через освещенную полосу, и живые пески лишь вздохнули, проглотив лепестки горицвета. Теперь уснут на несколько ударов сердца, которых хватит, чтобы добраться до сторожевых камней. Те, растревоженные младшим братцем, тускло светились, а самые матерые, на телах которых набрякли уже ростовые почки – похоже, матушка перестаралась с подкормкой, – пульсировали.

Нкрума остановился.

Он слушал ночь.

И слышал.

И понимал, что никогда не откажется... от дома, рода – быть может, но не от пустыни, голос которой звучал в его крови. Нкрума осторожно ступил, ставя ногу меж сплетением ветвей.

Шаг.

И еще один.

И замереть, позволив тончайшей поликристаллической ветви скользнуть по шкуре. Нкрума замер. И сердце привычно остановилось. Он затаил дыхание, начав про себя отсчет. Один.

И ветвь треснула, выпустив чувствительные нити.

Два.

Они рассыпались по шкуре, которая остывала, как остывал окружающий Нкруму песок.

Три.

Щупы попробовали пробить шкуру, но та оказалась слишком плотной.

Четыре и пять.

Камень вспыхнул, пытаясь решить непосильную задачу. Живое или нет?

Живое должно быть сожрано.

Или хотя бы схвачено.

Ветвей стало больше... и щупы опутали Нкруму сетью, они прислушивались к малейшему звуку, пытаясь уловить эхо дыхания или стук сердца, что было вовсе не позволено.

Десять и одиннадцать.

Отступили.

Они убирались медленно, иные вовсе рассыпались, чтобы стать частью почвы.

Сто двенадцать.

Легкие начинали гореть, а когда-то Нкрума был способен

досчитать до двухсот, не испытывая никаких существенных неудобств.

Сто сорок пять.

Запасное сердце дрогнуло и застучало глухо, мелко. И основное запустилось, хотя и не сразу. До края полосы оставалось три шага, и Нкрума будет свободен.

Почти.

Пустыня пела.

Стремительно остывающие пески издавали высокие звуки, в которых Нкруме по-прежнему слышались голоса песчаных богов, которым поклонялись Древние. И в хор этот, в торжественное песнопение, столь заманчивое, что не один молодой круонец уже утратил разум и голову, поддавшись ему, примешивалась печаль.

Нкрума уже стар.

Не настолько, чтобы задуматься о последнем пути – и отец не думает, хотя старше Нкрумы втрое, но пустыня благоволит к молодым. А он... слух ослабел. И он едва не наступил на песчаного паука, выползшего, чтобы поймать пару прытких медянок.

Мелочь, но пустыня состоит из мелочей.

Голоса песчаников.

И тяжелый гул вархашша, вынырнувшего на поверхность, чтобы остудить раскалившуюся за день шкуру. Помнится, было время, когда Нкрума вышел на охоту и ночь провел на гребне скал, высматривая, не поднимется ли где-нибудь

песчаный фонтан. И уже почти уверился, что ночь пройдет бесплодно, как вархашш вынырнул прямо у подножия скал. Нкрума помнил, каков он был: огромен, размером с десантный шлюп.

Его шкуру покрывали шрамы.

Его когти вошли в гранит, точно якоря. А в фасетчатых глазах отразились и скалы, и луны.

Вархашш выполз на скалы, и Нкрума испытал одновременно восторг и ужас: по сравнению с этим чудовищем, разменявшим не один десяток циклов и утянувшим в пески не один десяток охотников, он, Нкрума, был мал и слаб.

И костяное копье, взятое данью древней традиции, уже не казалось грозным оружием.

Вообще оружием.

Нкрума испытал даже трусливое желание отступить. Солгать утром, что не дождался... это со многими происходит, но потом... потом вархашш выдохнул высокий столб песка и открыл дыхальца. Он вывалил полупрозрачные студенистые жабры, спеша вобрать ту редкую влагу, которая появляется в пустыне на рассвете.

И серая поверхность на глазах набухала.

Вархашш прикрыл глаза. И защитные пластины головогруды раскрылись окончательно.

И тогда Нкрума ударил.

Он напал молча, потому что в горле пересохло от страха, а оба сердца остановились. Нкрума целил в серый шар цен-

трального ганглия.

В голове мелькнуло, что реакцией вархашш обладает отменной.

А тупые зубы его способны перетереть камни.

Удар лапой дробит гранит, что уж о костях говорить, да и вовсе не дело это... глупость... недаром ночная охота официально запрещена. Слишком многие гибнут, пытаясь добыть шкуру вархашша.

Острые копыта пронзило ганглий, и что-то лопнуло, обдав Нкруму вязкой слизью. Он же скатился по броне, стремясь оказаться как можно дальше от твари. Вархашш взвился.

Та охота была чудесной.

Тени Древнего города продавили песок. И Нкрума остановился, втянул ледяной воздух. Еще немного, и холод станет ощущаться, несмотря на плотную шкуру.

– Заставляешь ждать, – братец забрался на голову древней статуи.

Никакого уважения к истории.

Разлегся, лапы вытянул, хвостом перед носом твари неведомой машет – было в ней что-то от вархашша, правда, плоскомордого – и ухмыляется.

Довольный...

Подозрительно довольный.

– Где визор? – Нкрума постарался отдышаться.

– Стареешь?

– Старею, – признал Нкрума очевидное.

– Вот! И значит, самая пора пришла тебе жениться... ты же у нас чтишь древние обычаи...

– Не настолько.

В городе привычно пахло камнем. Почему-то запах этот, слегка влажный, терпкий, напрочь перебивал прочие. Да и звуки это место искажало.

Звук капающей воды.

Нкрума несколько раз пытался найти источник, но ни разу не прошел дальше лабиринта. И теперь звук этот вызвал почти непреодолимое желание отправиться навстречу ему.

Вода в пустыне?

Она есть, и Древние знали, где ее найти, так может быть...

– Отдай, – потребовал Нкрума, впрочем, не пытаясь дотянуться до брата.

Но тот сам протянул визор:

– Держи. Но когда станешь помирать в одиночестве, не вздумай меня обвинять.

– Что ты?..

По-прежнему вспыхивали и гасли золотистые лепестки, но давешний голос замолчал, верно, обдумывая, сумеет ли он и вправду устроить личную жизнь Нкрумы.

– Помни мою доброту, – братец зевнул.

– Ты... ты... сырое мясо? Я не ем сырое мясо!

– Начинай. Это пугает.

– И кровь не пью... что ты?..

– Круонцев считают дикарями, – наставительно заметил

Гарджо. – Надо соответствовать.

– А снимок?.. Пустыни ради, что за снимок ты им отправил?! Откуда он вообще на мамином визоре взялся?

– Вот не скажу, что и откуда берется на мамином визоре, – Гарджо широко зевнул и соскользнул на песок. – Но снимок хорош. В духе анкеты... и к слову, плащ первопредка тебе к лицу. А уж дубина... возьми ее с собой.

– Зачем?

– Мало ли, хорошая дубина всегда в дороге пригодится.

Нкрума подавил тяжелый стон. Дубина, по легенде, как и плащ, принадлежавшая Первопредку, чье имя она легенда почему-то не сохранила, была тяжелой и годилась разве что панцири пустынных крабов ломать. Но вряд ли бы матушка одобрила это святоотечественное использование родового артефакта, которым немало гордилась. И странно, что, получив снимок – Нкрума сделал его, собираясь на ночную охоту, – не содрала с непочтительного отпрыска шкуру. Не иначе, он тогда был далеко, а потом матушка не то чтобы забыла – она никогда и ничего не забывала, но отложила расправу до удобного момента.

– Ты дальше читай. Вообще, я поражаюсь тебе, – Гарджо перелистнул страницу. – Никакой фантазии!

Зато у брата фантазии было с избытком.

– Это можно вернуть?

Перед Нкрумой развернулся список. Сто... сто двадцать... сто сорок...

– Сто восемьдесят три! – Гарджо выглядел донельзя довольным. – И это не считая подпунктов. Между прочим, я для тебя старался. Я очень удивлюсь, если им удастся найти девушку, которая будет соответствовать твоим требованиям.

– Требованиям?

– Читай, дорогой. В конце концов, ты у нас адмирал, а не песчаный ежик. С ежиком возиться не стали бы.

– Рост... это же три с половиной грата.

Нкрума поднял руку над полом.

– Размер ноги... ладно, это я понимаю. Цвет волос... рыжий? Где ты видел рыжих самок? А цвет глаз... ты ненормальный.

– Читай-читай.

– Высшее образование... медицинское. Да какая женщина в своем уме выберет медицину? И отсутствие практики... Сертифицированное признание внешних... ты безумец!

– Зато ты с чистой совестью сможешь сказать матушке, что агентство не справилось.

Анкету можно было удалить.

Или шепнуть представителю агентства, что не стоит вовсе обращать на нее внимание. Или... Нкрума пролистнул список.

Готовка?

Женщина хорошего рода, стоящая на кухне?

Уборка, чистка одежды, навыки штопки? Зачем, если прислуга справляется? А может, прав братец?

Такую они не найдут.

И это даст Нкруме пару лет вожаденной свободы.

А вода есть. И где-то очень близко. Быть может, сегодня выйдет добраться до источника?

Нкрума сунул визор в карман брюк.

Матушка, невеста, агентство – все это перестало быть важным, когда над пустыней поднялась четвертая луна. И свет ее окрасил останки древнего города алым.

Ночь – время охоты.

И Древние будут благосклонны к Нкруме.

Глава 1

В светлое будущее я въехала, точнее влетела, верхом на унитазе. В тот миг, когда серый, покрытый мелкими трещинами потолок в туалете вдруг растворился в жемчужном сиянии, я только и подумала, что такого быть не может.

Сияние заполонило кабинку.

И в нем кривоватое зеркало, перечеркнутое трещиной, – завхоз клялся и божился, что заменит его в пятницу, правда, привычно не уточнил в какую, – пошло мелкой рябью, которая, однако, не помешала отразить мою озадаченную физиономию.

Нет, я слышала, что инопланетяне похищают людей.

Но чтоб из туалета...

И ладно бы из правительственного, солидного, но наша контора, носившая гордое название «Прайм-тревел», вряд ли могла представлять интерес для внеземного разума.

Свет становился ярче.

В голове сама собой зазвучала музыка из «Секретных материалов», а меня неудержимо потянуло вверх. Вот тогда-то я на унитаз и запрыгнула.

Почему-то лицом к бачку.

И бачок этот, тоже, к слову, треснувший, мужественно перетянутый двойным слоем синей изоленды, запасы коей у завхоза были, видимо, неиссякаемые, обняла.

К сиянию добавилось гудение.

Дребезжание.

И унитаз подо мной закачался.

Захрустели древние трубы. Кажется, на пол полилась вода... подумалось, что ладно я, но если инопланетяне сопрут унитаз, завхоза удар хватит. Как в руке моей оказался ершик, сама не знаю...

С потолка на макушку плюхнулся кусок влажной штука-турки.

Стало горячо.

Волосы поднялись и шевелились, словно змеи.

– Я ничего не знаю! – на всякий случай предупредила я, дав себе клятву, что если останусь жива, то с первой же премии куплю новый бачок.

Сияние мигнуло.

Посинело.

А гудение стало оглушительным. И, взбрыкнув, что норовистый конь, унитаз поднялся над кафелем. Бачок, что характерно, тоже... ну и я с ними.

Так мы и поднимались выше и выше... сквозь семь этажей, включая технический, крышу, покрытую толстым слоем битума, который не мешал этой крыше протекать, да так, что доставалось всем упомянутым этажам, да и подвалам тоже.

Помню распрекрасно, что в какой-то момент я всецело сосредоточилась на том, чтобы не соскользнуть с унитаза. Ра-

зум внеземной разумом, а свободное падение – падением. Там, на тарелке, оно еще неизвестно, как будет, а вот при столкновении с асфальтом результат был предсказуем и легко прогнозируем.

Я в какой-то момент даже носом шмыгнула от жалости к себе.

Нет, ну а вдруг уронят все-таки?

Но сияние было стабильным. Гудение тоже. Волосы шевелились. Голуби, взбудораженные появлением моей особы, хлопали крыльями, но сбить меня не пытались.

В какой-то момент я перестала бояться.

Нет, а чего уже? Поздно.

И думать начала... допустим, меня и вправду похитили инопланетяне.

Зачем?

Я задрала голову, пытаюсь разглядеть хоть что-то, но глаза заслезились, голова закружилась, а унитаз совершил коварную попытку перевернуться на бок. Ну уж нет. Я хлопнула его по фаянсовому боку ершиком, велев:

– Не шали.

Голос сорвался. А ведь я даже не орала! Может, стоило бы?

– Помогите... – слабо пискнула я и со вздохом признала, что, во-первых, вряд ли меня услышат – город остался далеко внизу, маленький, словно игрушечный, а во-вторых, если и услышат, то чем помогут?

Оставалось ждать.

Подъем меж тем замедлился. Потом мы с унитазом вовсе повисли. Свет мигнул.

Погас.

И я закрыла глаза, ожидая немедленного, но закономерного в нынешних условиях падения. Так и сидела. Ждала. Пока почти над самым ухом не раздалось:

– Кропоткина Агния Николаевна?

– Что?

Вопрос был несколько неожиданным, а я сообразила, что ронять меня не собираются, и глаз открыла. Правый. Правда, потом вспомнила, что правый несколько близорук, а линзы сегодня я позабыла надеть, и открыла оба.

Надо же...

Нет, я люблю кино. Всякое. И про инопланетян тоже. Про космические корабли, сражения... в общем, обстановка впечатления не произвела. Ни тебе механизмов сложных непонятного предназначения, ни огоньков загадочных, ни... Обыкновенный ангар вроде гаража, в котором мой бывший имел преотвратное обыкновение зависать, предпочитая общество моей старенькой «Волги» собственнo моему. Потом я заподозрила, что ради этой самой «Волги» он вообще отношения завел... ну да не в том дело.

И не в прямом сходстве, все-таки мой гараж, помимо «Волги» и столика с инструментами, вмещал лишь старый шкаф, где я хранила закатки, а в нынешнем потолок завис

метрах в трех над головою. Но вот было что-то общее... было... может, запах металла? Смазки? Вообще техники? Или столбы эти, на которых потолок держался, покрытые листами металла.

Брутальненько.

Общий серый цвет.

Уныло.

И ощущение того вечного хаоса, который мужчины горделиво именуют рабочим порядком. Ага...

Мы с унитазом и бачком стояли прямо в центре этого не то ангара, не то гаража. Под полом гудело. Сверху поддувало. А прямо передо мной встала престранная троица.

Нет, не было ни щупалец, ни жабр, ни жвал с хитином.

Скорее уж странна троица была своей обыкновенностью. Все же после столь феерического подъема душа требует продолжения банкета, а тут тебя встречают люди в сером.

Наш начальник такие костюмчики зело любит. Врет, что в Англии шьют, на заказ. Ага, я своими глазами видывала, как он на рынке прикупал очередной. Двубортный пиджачишко с подбитыми ватином плечами и зауженной талией, чтоб, значит, фигура обрела нужную мужественность. Узенькие штаны со стрелочками.

Белые рубашки.

И розовые галстуки. Пожалуй, именно насыщенный оттенок розового и примирил меня со странной троицей.

– Вы есть Кропоткина Агния Николаевна? – тщательно

проговаривая каждый слог, произнес средний. Он был выше прочих на полголовы и, помимо костюма, имел еще шляпу. Правда, держал ее под мышкой.

– Да, – ответила я.

И не удивилась, когда инопланетный тип вытащил из кармана паспорт.

Мой паспорт.

Я б его из сотни узнала по пожеванным страничкам и мятой обложке.

Раскрыл. Уставился на снимок.

На меня.

И снова на снимок.

– Да я это, – говорю. – Честно.

Хотя, конечно, его сомнения мне понятны. Фото в паспорте – извечный предмет печали. Мое и вовсе получилось жуткеньким. Волосы в стороны торчат. Личико махонькое. Глазки прищурены... я не виновата, что фотограф свет поставил так, что у меня моментом глаза заслезились.

Нет, в паспорте я еще та красавица.

– Данная особь говорит правду, – произнес левый тип и носом дернул.

– Поздравляю, – центральный закрыл паспорт и протянул мне. Пришлось отпустить бачок – в конце концов, похоже, нам пришла пора расстаться – и взять документ.

Свинство, конечно.

И возмутиться бы произволом, но, чую, не поймут.

Паспорт я сунула в декольте, пожалев, что вместо привычных штанов, где карманов два десятка, надела костюм. Ага... надеялась поразить Санычево заскорузлое сердце и выбить-таки премию, обещанную им за прошлый месяц.

Теперь вот страдай без карманов.

– Вы были избраны! – меж тем провозгласил тип, не спуская с декольте – а на Саныча нашего только такие аргументы и действовали – мутного взгляда.

– Рада, – говорю.

Без особой, правда, радости.

И тут же уточняю:

– Куда?

А то, может, я была избрана на опыты, или на ритуальное жертвоприношение, или еще для каких сомнительных целей. Вообще сам факт избранности и то, с каким пафосом мне о ней было сказано, заставляли предположить, что просто так домой меня не отпустят.

– В спутницы жизни сиятельному паладину Нкруму Одхиамбо из рода Тафари.

Охренеть.

Я и не нашлась с ответом.

Уж лучше бы на опыты...

– Мы готовы разделить с вами радость обретения супруга, – меж тем продолжил тип, сложивши руки лодочкой. – Но перед тем, как присвоить вам официальный титул невесты, мы должны убедиться, что вы действительно соответствуе-

те требованиям, которые выставил многоуважаемый Нкрума Одхиаambo из рода Тафари.

Я только и сумела, что кивнуть.

И паспорт ладошкой прикрыть.

Мелькнула мысль сожрать его, пока не поздно. Глядишь, и в их галактическом загсе, как и в нашем, новый не сразу выдадут. Пока документы соберешь, справочки там всякие... не хочу я замуж!

– А... вы...

– Мы представляем брачное агентство «Золотой лепесток», – церемонно произнес тип и поклонился. – Лучшее брачное агентство в этом рукаве галактики.

Ага... сводники, значит.

Но работают с размахом. Интересно, а калым за меня положен? По ходу, положен, если из шкуры так лезут. А это значит, что я влипла... не отпустят.

Живой или около живой, но к алтарю доставят.

Или к регистратуре.

– Мы устроим ваше личное счастье! – воскликнул тип.

«Даже если вам это не нужно», – мысленно добавила я.

Он же вытянул сложенные лодочкой руки и представился.

– Ицхари Нуори. Ведущий эксперт по отбору невест.

– Агния, – сказала я. – Но вы и так знаете.

Ицхари кивнул.

– Берко Нутич, – указал на левого представителя. – Ксенопсихолог. Он предоставит вам полную информацию отно-

сительно расы круонцев, к которой имеет честь относиться многоуважаемый Нкрума Одхиамбо из рода Тафари.

Интересно, а мне тоже потенциального женишка придется полным именем называть? И расшаркиваться при этом?

Так, Агния, не о том думаешь!

Тебе от женишка этого избавиться надобно.

– И Визари Ноно...

Поклонился правый тип.

– Менталист, который позволит оценить ваш эмоциональный статус и степень вашей откровенности.

У меня левый глаз дернулся.

Откровенность?

Шиш им, а не откровенность. И вообще, русские не сдаются... бабка так говорила. Она меня и воспитывала в духе советско-патриотическом, даром что в годы молодые далекие ей повоевать выпало. О том времени бабка рассказывала неохотно, но все ж я успела понять, что воевала она не в штабах, а в лесах. И поезда под откос пускала, и фрицев стреляла, и своих хоронила. Главное, что с той поры характер бабкин изменился мало. Ее и наш домоуправ, личность совершенно специфического свойства, по манерам и уровню интеллекта стоящая ближе к австралопитекам, нежели к людям, побаивался. А побаиваясь, и почитал, демонстрируя свое почтение еженедельными визитами и пачками яблочного мармелада, до которого бабка была большой охотницей.

Светлая ей память.

И воодушевленная примером, пусть и не живым, но близким, я величественно – хотелось бы так думать – махнула ершиком и велела:

– Спрашивайте.

И щеки надула.

Для важности.

– Ваше имя?

От же ж, бюрократы. Пятнадцать минут назад самолично паспорт проверял, а все равно имя спрашивает. Но так и быть:

– Агния.

По семейной легенде, матушка моя, особа легкомысленная и с богатой фантазией – ни к чему хорошему это в итоге не привело, – получив меня на руки, восхитилась цветом волос.

Сама она была блондинкою.

Мой отец, неизвестный солдат сексуального фронта, – шатеном. А я вот рыжей уродилась. И цвет этот не поблек, не вылинял, не переродился в классический русый. Нет, со временем рыжина лишь ярче стала.

– Полных лет?

– Двадцать четыре.

Почти двадцать пять, но это почти, до которого еще две недели с хвостиком, позволяет мне чувствовать себя молодой.

Двадцать пять – это уже срок.

Юбилей.

– Образование?

– Высшее.

Вообще-то я медик.

Как бабка... то есть я хотела бы стать, как она, но не сложилось. И не потому, что медицина – это для меня слишком сложно, нет, мне даже нравилось, однако вот... она мной гордилась.

И в пример ставила.

И разочаровалась бы, узнай, что вождеденный диплом меня не порадовал, что не пошла я ни в педиатрию, как того хотела, ни в хирургию, на что бабка втайне надеялась. Да, доучилась последний год, но скорее по привычке заканчивать начатое, а потом...

Потом – суп с котом.

Неважно. Вряд ли им тут есть дело до моих глубоких моральных травм.

И вообще до травм.

На этой мысли я замерла.

Ну конечно! А еще врач... несостоявшийся, но все-таки врач! Свет в конце тоннеля, инопланетяне... невеста... бред это, и высочайшего качества! Почему? А потому, что именно это объяснение и является простейшим.

Нечего сущности плодить.

Что вероятней? Что меня и вправду похитили инопланетяне, озаботившись устройством непростой моей личной

жизни? Или что я, никогда толком не умевшая на каблуках ходить, поскользнулась и шибанулась головой о тот же унитаз? Или об умывальник?

Отсюда и потолок последним видением.

А все остальное рождено моим травмированным мозгом. На самом же деле я тихонько лежу себе в муниципальной больничке, обвешанная датчиками, с катетером в руке и другим – в мочевом пузыре. Улыбаюсь. И жду приговора.

Стало жаль себя: приговорят ведь.

Это не американское кино, где коматозника двадцать лет будут откачивать, а он очнется на последних минутах, чтобы с ходу обнять повзрослевшего сына... и сыновей-то у меня нет.

Как и дочерей.

Котом и тем обзавести не удосужилась.

– Живые родственники по крови?

– Мама, папа, бабушка и семеро детей, – бодро отрапортовала я. В конце концов, мои галлюцинации обязаны мне верить. Но менталист покачал головой и вытянул тонкий полупрозрачный палец, возвестив:

– Неправда сие есть.

Ага...

Неправда. Нет, про отца не знаю, может, и жив где-то. А вот маменька преставилась, когда мне было семнадцать. Я ее не то чтобы плохо помню, просто в моей жизни она появлялась редко, как правило, в перерывах между поисками

личного счастья. В последние годы, когда счастье было найдено, отловлено и закольцовано, мы даже не созванивались. Бабки же в позапрошлом году не стало, а в прошлом и Калерия, верная ее подруга и соратница – иногда мне мерещилось нечто большее в их отношениях, – ушла.

– Вы должны говорить правду, и только правду, – сурово произнес Ицхари.

– Кому должна?

Пожалуй, этот вопрос поставил его в тупик. Он приоткрыл рот, закрыл и задал следующий вопрос из списка:

– Вы состоите в отношениях?

Тут-то впервые с тоской ностальгической я и вспомнила Толика, который, скотина такая, мало что ушел втихаря, унес с собой и зарплату, и премиальные, так и бабкину «Волгу» прибрать умудрился.

– Состою, – соврала я.

Ицхари нахмурился.

– Неправда сие есть...

И хмуриться перестал. Да что это такое! Неужели больше некого замуж выдать за этого их... многоуважаемого! На мне свет клином сошелся?

– Дети?

– Нет, – буркнула я. Смысл врать, если ложь сразу будет выявлена. – И не собираюсь.

– Вы должны будете...

– Кому должна, я всем прощаю, – я взмахнула ершиком,

к слову, побитым жизнью, обскубанным с одной стороны и на редкость вонючим.

Ксенопсихолог, чье имя вылетело у меня из головы сразу же, как в нее влетело, тронул Ицхари за рукав и зашептал что-то. И шептал долго, уставившись на меня левым глазом, правый же в глазнице перекатывался, что выглядело несколько жутковато.

– Нет, но... Конечно, заявленные параметры... И соответствие... Да... нет...

Я подалась вперед, надеясь расслышать хоть что-то, но не вышло.

– Хорошо, – наконец согласился Ицхари. – Пусть так. Агния-тари...

Чего?

– Я, как уполномоченный представитель брачного агентства «Золотой лепесток», лучшего брачного агентства в этом рукаве галактики, заявляю, что вы прошли предварительный отбор.

И уставился.

Неужто изъявлений радости ждет? Нет, как-то я не готова радоваться.

– Верните меня домой, – попросила я, мысленно добавив: «И в сознание».

– Боюсь, это невозможно...

– Позволь мне, – ксенопсихолог скользнул вперед.

Двигался он, надо сказать, странно, да и держался как че-

ловек с застарелой травмой позвоночника: спина прямая, будто в корсет затянутая. Ноги не сгибаются и от пола не отрываются, скользят бесшумно.

Жуть.

– Агния-тари... тари – это общепринятое обращение к дамам высокого рода... – и рученьку бледную протянул. А рученька-то полупрозрачная, словно из стекла сделанная. Я на просвет и кости разглядеть могу, что пальцы, что фаланги... на одну больше положенной. – Я прекрасно понимаю, что вам нелегко.

И такое искреннее сочувствие в его голосе сквозит, что слезы на глаза сами наворачиваются.

А я и на бабкиных похоронах не плакала.

– Не подходи! – велела я и по руке ершиком ударила. Не хватало, чтобы меня тут всякие... инопланетно-бредовые особи щупали.

Он увернулся.

И улыбнулся, отчего меня и вовсе передернуло: зубы были идеально ровные, вот только треугольные, как у акулы.

– Ваши инстинктивные страхи, – мурлычащим голосом произнес ксенопсихолог, – лишены основания. Моя раса давно уже отринула древние традиции и не потребляет в пищу мясо разумных существ.

– Очень... – говорю, – мило. Современно.

Он величественно кивнул и улыбнулся шире прежнего. Это, конечно, зря... традиции традициями, современность

современностью, но руку я за спину убрала.

На всякий случай.

– Исключение оставлено лишь для ритуального поедания покойного, будь на то его воля, – продолжил он и ресничками хлопнул.

А реснички бесцветные.

Длинные.

Глазки голубенькие, что пугови.

– И... как оно? – поинтересовалась я исключительно поддержания беседы ради.

– Сложно. Некоторые, особенно молодые особи, личности которых сформировались под влиянием галактической Сети с ее прогрессивными взглядами, отказываются принимать участие в ритуалах. Тогда как особи среднего возраста, не говоря уже о стариках, придерживаются обычаев... порой слишком уж придерживаются.

Он клацнул зубами, и я убрала за спину вторую руку.

Нет, я пока жива.

Но именно что пока... а вообще, если разобраться, весьма себе экономненько. Собрались всей родней. Съели... и поминки готовить не надо, и с похоронами возиться.

– Увы, конфликты неизбежны, – он вздохнул.

И я тоже.

Как ни крути, а с унитаза слезть придется. Даже если вокруг меня глюк, то на редкость хорошей прорисовки. Этакая виртуальная реальность, большим воображением – а я еще

не верила, когда меня Саньч чокнутой обозвал, – созданная. И унитазам в ней не то чтобы совсем не место, скорее уж события требовали действий. Да и натура моя не привыкла к статике.

– Хорошо, – говорю, стараясь на зубы не пялиться. – Точнее плохо. Не хочу я замуж.

Лучше уж сразу о намерениях заявить.

В конце концов, они не фрицы, чтобы из засады рельсы рвать. Шансов мало, но... вдруг да получится договориться по-доброму?

– Так не бывает, – изволил не поверить ксенопсихолог, а третий, менталист который – интересно, у него зубы треугольные или жабры под костюмом? – что-то тихонько булькнул. И от булька этого Ицхари прямо-таки перекосило.

Ага. Правду сказала.

И пусть икнется врагу!

– Бывает, – я ноженьку через унитаз перекинула. Не с первого раза – штаны костюмные были узки и сшиты из псевдокожи, которая к акробатическим этюдам не располагала, – но все же перекинула.

Заодно и обнаружила пропажу одной туфли. Левая была на месте – еще орудие пытки на пятнадцатисантиметровой шпильке.

На меня умопомрачение нашло, когда я их приобретала, не иначе.

Алая лаковая кожа.

Узкая колодка с высоким подъемом.

Жесткая пятка, которая начинала натирать, стоило лишь туфли примерить, и мысок, сдавливавший пальцы не хуже «испанского сапога». С другой стороны, ценою сих мучений я обретала пятнадцать сантиметров к своим ста пятидесяти пяти естественным и некую странную уверенность в своей же сексуальности. Подозреваю, происходила она единственно от нежелания признать, что деньги, и немалые, потраченные на приобретение туфель, были потрачены зря.

И вот теперь я их лишилась.

Жалость какая.

– Вы просто не представляете перспектив, которые открываются перед вами, – возвестил Ицхари и добавил: – Благодаря участию брачного агентства «Золотой лепесток».

– Да-да, помню... лучшего брачного агентства в этом рукаве галактики.

Я бросила ершик и стащила туфлю. Если взять за мысок, то шпилька – это почти оружие. Во всяком случае куда более грозное и куда менее вонючее.

– Ваш жених состоятелен. Родовит. Силен.

И чудо до чего хорош.

Понимаю.

С какого боку ни глянь – пряник сахарный, глазированный. Правда, что под этой глазурью прячется, мне не скажут, тут и гадать нечего. А прячется что-то – это точно, потому как иначе нашли бы они своему распрекрасному кому-то там

невесту поближе.

Но вслух я ничего не сказала.

Стою.

Туфлю держу.

Улыбаюсь, пусть и не столь выразительно, как ксенопсихолог, но искренне... почти искренне. Улыбка-то нервическая, называется «шаг до истерики».

Я и не заметила, как туфельку из руки потянули.

– Вам не следует волноваться, – вкрадчиво произнес ксенопсихолог, а в перламутровых глазках его блеснул живой интерес. Такой же интерес я видывала у кошки Калерии, когда та бабкиной канарейкой любовалась. – Вам никто не причинит вреда. Наш долг – оберегать вас.

Ага, вот и кошка та, помнится, все оберегала, оберегала... Хорошая была у бабки канарейка. Голосистая.

Но глупая.

Я глазами моргнула и туфлю к себе дернула.

– Руки прочь, – говорю, – от Гондураса!

– Что?

Он глазами моргнул. Попеременно. Сначала левым. Потом правым.

– Это частная собственность, – и туфлю под мышку сунула.

– Но... этот предмет, если я правильно понял, подразумевает наличие пары, в отсутствие которой он бесполезен.

– Это ты, – говорю, – бесполезен. А туфля будет напоми-

нать мне о доме.

И всхлипнула.

Плакать я умела. Как говорится, тяжелое наследие школьного актерского кружка, в котором мне, словно нарочно, подсовывали трагические роли. А я по наивности полагала, что главным мерилom трагичности является объем пролитых слез.

– ...Которого меня жестоко лишили.

И туфлю погладила.

– ...Нанеся тем самым глубокую моральную травму.

Ицхари покраснел.

Ксенопсихолог побелел и полосами пошел. Вертикальными. Интересненько, это у него индивидуальная особенность аль расовая примета?

Но туфлю я покрепче ухватила.

Не дам лишить себя последнего оружия! И вообще...

– Агния-тари, поверьте, ваш будущий супруг компенсирует все доставленные вам неудобства...

Ага. А он-то сам про это знает?

Сомневаюсь.

Иначе с чего бы у свахи глазкам-то бегать? Ой, чуется, супруг мой будущий – тьфу-тьфу и по дереву бы постучать, чтоб не сбылось, или хотя бы по фарфору, раз уж дерева нет, – сам не в курсе, какое счастье ему на голову свалилось. Вспомнилось отчего-то, как Маруська, наша секретарь, женщина старых лет, но подросткового менталитета, квартиру

покупала. Ох, как ей риелтор нахваливал.

Мол, и трешка.

И в центре города.

И площади приличной. Этаж хороший, четвертый... и ремонт-то в ней худо-бедно сделан. Не квартира – сокровище. Маруська и радовалась, хотя предупреждали ее опытные люди про дешевизну подозрительную этакого клада.

Ан нет. Не послушала.

И что в итоге?

Нет, комнат в квартире не поубавилось, и этаж не поменялся, и адрес прежним был. Зато выяснилось, что под Маруськой обретается парочка наркошей, к которым в гости регулярно приятели заглядывают и вовсе не для пропаганды здорового образа жизни. А над Маруськой – бабка в глубоком маразме с любовью к тварям четвероногим, коих в квартире с два десятка собрала.

Отсюдова и ремонт.

Хозяева запахом краски вонь от кошачьей мочи перебить пытались.

В общем, так и переехала... и живет третий год уже. Говорит, пообвыклась. А вот мне обвыкаться неохота. Мне бы из комы моей затяжной выйти.

На всякий случай я себя ущипнула – слезы пошли гуще – и убедилась, что болевые рефлексy присутствуют, а виртуальная реальность не собирается меня отпускать.

– Может, вы все-таки отдохнете? – столь любезно, сколь

это вообще было возможно в нынешних обстоятельствах, произнес менталист.

И я кивнула.

Сон или нет, но отдых еще никому не мешал... а вдруг очнусь? Пусть бы и в больничке, в проводах и трубках... одна-одинешенька... Саныч небось откупится букетом чахлых хризантем да взяткою, чтобы происшествие не оформляли как рабочую травму.

И все, больше судьбу мою горькую оплакивать некому.

Ну и ладно.

Прорвусь.

Как-нибудь.

Глава 2

Глядя вслед женщине, которая самозабвенно рыдала, но притом умудрялась идти с гордо поднятой головой, зажав под мышкой красную туфельку, Ицхари вздохнул.

Тяжко вздохнул.

И, закрыв глаза, вознес молитву Пресветлой Создательнице и всем Семи Девам.

Не полегчало.

А с самого начала это задание было не сказать чтобы вовсе невыполнимым – те, кто полагал, будто бы уважаемая Бинено-тари, бессменный руководитель Алузийского отделения агентства, дает подчиненным невыполнимые задания, отсеивались после первого же года службы, – но определенно непростым.

– Дорогой, – Бинено-тари всех своих «мальчиков» – девочек в агентстве принимали исключительно в качестве клиентов – именovala «дорогими», – ты же понимаешь, такой шанс выпадает раз в жизни!

Жила Бинено-тари уже три сотни циклов, а потому Ицхари всецело оценил серьезность проблемы.

– И мы не имеем права испортить заказ...

– Да, Бинено-тари, – Ицхари мог бы напомнить, что за сорок семь циклов службы – а в агентство он явился зеленым юнцом, только-только получившим право выйти из улья, –

не испортил ни одного заказа, но не стал.

Бинено-тари прекрасно это знала.

Как и то, что среди всех претендентов на пост главы отделения именно Ицхари имел самые высокие шансы получить-таки должность.

Заветную.

Нужную самой Бинено-тари не столько из-за немалой ее доходности, сколько потому, что иного занятия достопочтенная дама не знала и знать не желала. А потому под взглядом ее лиловых глаз Ицхари чувствовал себя неуверенно.

Она же подвинула тонюсенькую папочку, поинтересовалась:

– Что вы знаете о круонцах?

Немного.

Признаться, в тот момент, когда пальцы коснулись целлюлозного листика – Бинено-тари упорно отказывалась доверять действительно важную информацию цифровым носителям, – Ицхари испытал знакомое возбуждение.

Ему нравилась его работа.

Заявки и пожелания.

Явные и скрытые, которые имеют куда большее значение, нежели явные.

Поиск.

Фильтрация.

Трепетный миг первого знакомства, наполняющий душу надеждой. Робость взаимной симпатии, словно хрупкий ро-

сток, который Ицхари должен оберегать. Он, истинный профессионал, никогда не вмешивался напрямую, действуя издалека, с оглядкой, всякий раз избирая иную стратегию.

И когда они, избранные им, определенные друг для друга, наконец осознавали свое предназначение, Ицхари отступал в тень.

Естественно, с премиальными, бонусными баллами и чувством выполненного долга.

Но круонцы...

На редкость замкнутая раса с хищными корнями, от коих и происходили хищные же повадки.

– Шадар, – послушно начал Ицхари, проглотив все вопросы – для них будет еще время, и задавать их стоит вовсе не Бинено-тари. – Система Торгейта. Пятый сектор...

Скучный мирок. Средненький.

Обыкновенный даже, если не считать его обитателей. Две трети покрыты морями, оставшаяся разделена на пяток континентов. Из них один расположен в зоне низких температур, не экстремально низких, но все же мало пригоден для жизни. Два... кажется, что-то там про зону циклических землетрясений было.

Или вулканов?

Ицхари вынужден был признать, что о мире круонцев знает не так и много.

О круонцах и того меньше.

А Бинено-тари ждала.

Улыбалась так, с ехидцею, демонстрируя, что не все-то ему известно. А он потупился.

– Крайне замкнутая раса... самцы крупнее и агрессивнее самок...

Бинено-тари щелкнула пальцами, и на экране визора возникло изображение, заставившее Ицхари вздрогнуть.

– И крупнее, и агрессивнее...

Вспомнилось вдруг, что из сумрака замкнутого мирка круоны вышли не так и давно, и потому свет нынешнего Галактического сообщества, конечно, несколько их облагородил, но и только.

На снимке был запечатлен самец.

Крупный.

Вдвое крупнее самого Ицхари, если не втрое. Он твердо стоял на двух конечностях, опираясь притом на кривоватую палку. Дубину?

Свет Галактического сообщества дубины не одобрял.

Варварское оружие. Впрочем, свет сообщества в принципе оружия не одобрял, делая исключение для приграничных областей, где обретались всякого рода отщепенцы, которые к иным аргументам оставались печально глухи.

Могучий торс круонца бугрился мышцами.

Ицхари вздохнул.

Вот он генетически астеничен и от этого страдает, поскольку который уж год в дни Большого Роения остается без партнера. Но завидовать круонцу... он еще не настолько от-

чаялся.

Тем более почти решившись на генопластику.

– Наш клиент.

Клиент был мордаст и недружелюбен. От позы его веяло скрытой агрессией, что было крайне нехорошо. Женщины очень чувствительны к агрессии.

Мускулатура... пожалуй, это плюс.

Короткая рыжая шерсть на плечах... Ицхари вздохнул. Мысленно. Вряд ли круонец согласится на депиляцию. А уж о том, чтобы хвост купировать, как это в обществе принято, и речи быть не может.

Кажется, хвост в культуре круонцев имел особое значение.

Зубы... все целы, все белы, длинны и остры. Все на месте, что, безусловно, хорошо... но вот размер... острота...

Надбровные дуги велики.

Лоб узковат.

Глаза раскосые, темно-желтые. Цвет, пожалуй, интересный. Широкая переносица. Ноздри узкими прорезями, но обманываться не стоит – чутьем круоны обладают отменным.

– Вижу, вам он уже глубоко симпатичен, – усмехнулась Бинено-тари.

– Я люблю его как родного! – дрогнувшим голосом сказал Ицхари, предвосхищая все грядущие проблемы. Круонец был дикарем.

И не в дубине дело.

Не в плаще из линялых шкурок неизвестного зверя. Скорее уж в самом его облике, так сказать, суммарном.

– Замечательно. Я знала, что могу на вас положиться. Крунцы и вправду крайне замкнутая раса, но меж тем, благодаря некоторым своим особенностям, они имеют в Союзе немалый вес... – как бы Бинено-тари ни относилась к своему потенциальному конкуренту, а в последнее время Ицхари чувствовал, что отношение к нему явно изменилось, но дело для нее было на первом месте. – И потому эта заявка, возможно, откроет для нас новые горизонты... новых клиентов...

Полимерные коготки царапнули столешницу.

Ицхари поморщился: слухом он обладал тонким, а душевной организацией и вовсе нежной, и подобные звуки его нервировали.

Как и сам облик Бинено-тари.

Она была крупной самкой, и к годам своим набрала без малого два циана весу, тогда как в самом Ицхари и в самые лучшие времена, когда тело его покрывал подростковый бурый жирок, не набиралось и половины циана.

Да, самкой она была... завидной.

И каждый год ее внимания добивались сотни партнеров.

Ицхари так и не дерзнул войти в их число. Да и что он мог предложить, кроме слабого порхания и печального монохрома нижних крыльев?

Генопластика обещала изменить и это. Еще два оттенка. Или три? Главное, чтобы выглядело это естественно.

И надкрылья хромировать.

– Многоуважаемый Нкрума Одхиамбо из рода Тафари, – произнесла Бинено-тари нараспев, и протяжные низкие ноты голоса ее заставили Ицхари задрожать, пусть до заветного дня Роения оставалось еще четверть цикла. – Если вы не узнали его...

Не узнал.

Говоря по правде, что люди, что круонцы, что прочие представители ветви гоминидов были для Ицхари напрочь лишены индивидуальности. Нет, он честно запоминал обличье каждого клиента, но усилия для этого прилагал воистину титанические.

– ...Светлый паладин, трижды орденосец Белой ветви, получавший награду из рук самого Великого Канцлера...

В фильтрованном семиступенчатой очисткой воздухе кабинета проскользнули чарующие сладкие ноты призыва.

Ицхари вздохнул и заерзал.

Немыслимо.

– В настоящий момент удостоен звания крон-адмирала. Под его руководством победоносные эскадры Союза зачистили восемнадцатый и девятнадцатый секторы, – Бинено-тари немного наклонилась, и коготки вновь царапнули столешницу.

Звук этот ударил по натянутым нервам.

– Возможно, что в скором будущем адмирал Тафари войдет в состав Малого круга... понимаете, что это означает?

Деньги.

Много денег, если получится выполнить заказ. Много денег от самого адмирала, не способного разобраться с личной жизнью, – это Ицхари одобрял, поскольку полагал, что всякую работу надобно оставлять профессионалам, – что от будущих клиентов, вдохновленных примером.

А рекламу из этого заказа Бинено-тари сумеет сделать.

Она же кокетливо щелкнула жвалами, заставив Ицхари отпрянуть и тем самым включиться в древнюю, как сам Кецаль, игру.

Запах становился гуще.

Тяжелей.

Ицхари стоило немалых усилий оставаться на месте, а не броситься немедленно к ногам Бинено-тари. Она же, мягко поглаживая разодранную столешницу, не спускала с Ицхари взгляда. И он сам, преломленный в синем свете, отражался в прекрасных фасеточных глазах ее.

И, отраженный, был даже массивен.

Хорош.

– Самки круонцев мельче самцов. И нравом обладают мягким. Сдержанны. Спокойны, – Бинено-тари провела коготком по блестящему уссу, и чувствительные волоски на нем колыхнулись, рождая волну сладкого карамельного аромата. – Они редко покидают свой мир и не особо рады гостям.

Спина Ицхари треснула.

Приоткрылись тяжелые надкрылья, робко, застенчиво: еще никогда не было дозволено Ицхари переступить заветную черту поклонения, перейдя к прямому ухаживанию.

О нет, у него была песня.

Он давно сочинил ее и из года в год совершенствовал мелодию, но в одиночестве, в пустоте своей стандартной квартиры, стены которой пришлось покрыть толстым слоем звукоизолятора: соседи оказались чужды прекрасному.

– Но тем любопытней, – Бинено-тари скрестила верхние конечности на груди, признавая за Ицхари право на песню.

Всего-то одну.

– Тем любопытней факт их приверженности матриархату...

Качнулась тяжелая бронза, легонько касаясь острых роговых выступов. Царапнула, издавая первый, низкий и протяжный, звук. Ицхари знал, что многие предпочитали начинать сольные выступления со звуков верхнего регистра, спеша продемонстрировать гибкость псевдожвал. Но подобные выступления, несмотря на всю техничность, были лишены внутренней гармонии.

Развернулись мембраны крыльев.

И зазвенели, задрожали...

– Женщина для круонца... награда... и признание силы его... никто не отдаст дочь за слабого. И никто не потерпит, если с дочерью его будут дурно обращаться. – Бинено-тари

слушала внимательно, и постепенно на голове ее разворачивались тончайшие нити чувствительных волосков, окрашивая темный хитин нарядными красками. — Круонцы чтят матерей и берегут жен...

Вторая пара конечностей легла на стол, потянулась, с хрустом развернулись шипы на предплечьях. И вновь щелкнули жвалы.

Предостерегая.

Сердца Ицхари забились сильнее.

А крылья завибрировали мельче, раскалывая мелодию на части. Ах, сколь долго он старался сотворить это чудо, и теперь играл самозабвенно, почти позабыв про круонца, которому, несчастному, вряд ли доступна вся прелесть ритуального танца.

— Когда круонец не только достигает брачного возраста, но и получает право на собственный дом, его матери предлагают невест. Чем он знатней, чем сильнее и достойней, тем, соответственно, больше предложений... перспектив...

Она раскрыла дыхальца, выпустив нежнейшее древо трахей.

И говорила-то с придыханием.

А когтистые лапы дотянулись до Ицхари.

И шипы ее пробили мягкий хитин брачной пары конечностей...

— Статус нашего клиента таков, что он мог бы получить любую девушку... — Бинено-тари потянула добычу на себя. И

Ицхари, замерев от сладкого ужаса, поддался. – Но он отверг все предложения. И тем самым весьма разозлил свою мать.

Он смотрел в позеленевшие, с позолотой, глаза ее.

И слушал, как вяло шелестят собственные крылья, допекая последние ноты брачной песни. И в голове, в затуманенной дурманом феромонов голове билась одна-единственная мысль: это все-таки произойдет. Столько лет ожидания.

Потраченных надежд.

Пустоты.

И это все-таки произойдет.

– Ему пригрозили отлучением от рода, – раскрытые жвалы стиснули голову Ицхари, оставляя на хитине его характерные следы. И пахло кислотой, а из железистых мешков выкатились сахаристые капли брачного секрета. – И только тогда он согласился сделать выбор, но выставил свои условия. С ними вы ознакомитесь.

– Непременно, – пообещал Ицхари, дрожа от возбуждения и страха.

Вспомнилось вдруг, что в прежние времена – времена, конечно, далекие и даже древние, отдаленные от нынешних не одной сотней лет, – за самками водилась дурная привычка отгрызать голову партнеру. Да и вообще каннибализмом баловаться...

Давно это было.

Но вот когда жвалы голову стиснули, как-то вспомнилось. Отрезвило.

– Смотрите, Ицхари, – Бинено-тари разжала жвалы, но сцепку из когтей разрывать не стала. – Я надеюсь, вы всерьез отнесетесь к делу...

– Конечно...

И когда она толкнула его на стол, Ицхари не посмел сопротивляться. Было... не так, как он себе это представлял.

Волшебнo?

Жутко.

Немного больно. И без малейшей – Ицхари прекрасно отдавал себе отчет в том – надежды на повторение. В память о том удивительном дне ему остались глубокая вмятина на третьем сегменте второй конечности – Ицхари решил ее не выправлять – и целлюлозная папка со списком из ста семидесяти девяти пунктов.

Теперь же, глядя вслед единственной женщине, которая соответствовала всем требованиям ненормального круонца, Ицхари не испытывал удовлетворения от проделанной работы.

Нет, ему вновь было страшно.

Круонец не желал жениться.

Но контракт подписал. А Ицхари посмел его исполнить...

Позабыв о том, что псевдооблик несколько ограничивает свободу движения, он дал волю чувствам, и полипластовая шкурка затрещала и прорвалась, выпуская на волю затекшую конечность. Ицхари поспешно спрятал ее за спину: не хватало еще раньше времени испугать потенциальную невесту

своим насекомообразным обликом.

Но она даже не обернулась.

Глава 3

Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна...

Ага, не видна ни черта. Иллюминатора и того нет, зато имеется окошко. Такое вот стандартное окошко с широким подоконником, геранью на вышеозначенном подоконнике, занавесочками и приторным пейзажем.

Вообще, космический корабль меня разочаровал.

Или претензии надо не к кораблю предъявлять, а к собственному воображению? Чем дальше, тем больше я убеждалась, что дело-то во мне... ну откуда бы инопланетяне взяли занавесочки?

И еще такого отвратно-розового цвета?

С ламбрекеном.

С бантами.

И с лиловыми бабочками. Подобное только очень больной разум вообразить способен. А окно это? И пейзаж за окном? С зеленым лужком и толстой коровой, которая уже третий час кряду медленно бродила от одного края лужка к другому?

Время от времени корова издавала протяжный звук – мне он напоминал гудение, не знаю, живьем я коров не встречала, может, это и нормально, чтобы они гудели, точно паровозы, но конкретно данная корова была крайне подозрительна – и поднимала увенчанную массивными рогами голову.

На втором часу наблюдений я заметила, что пятна по шкуре коровы медленно мигрируют, а глаза ее отливают нехорошей краснотой. Сразу в голову полезли мысли об оборотнях и зомби, но я велела себе успокоиться: не хватало подать больному воображению пару-тройку идей.

Уж лучше пусть инопланетяне и жених.

Будем считать, что это у меня во время травмы подсознание взяло и выплеснуло тщательно подавляемую женскую фантазию об успешном замужестве. А заодно уж скрестило ее с глубинной детской травмой, полученной при бегстве собственного биологического папаши. И плевать, что в нормальной жизни никакой травмы я не ощущала.

Нормальной жизнь быть давно перестала.

На четвертом часу – круглые такие пасторальные часики висели над окном – наблюдать за коровой мне надоело. Следовало признать, что медитация не заладилась и возвращение в собственное тело, где-то еще живое, если фантазии возможны, мне не грозит.

Ничего не делать было тяжело.

А делать было совершенно нечего.

Я ошупала голову на предмет травм. Вдруг да подсознание подскажет, какую именно область я повредила при падении. Но голова была цела.

Ни засохшей крови в волосах.

Ни банальной шишки.

Разве что короткое перышко, по виду голубиное.

Руки тоже были целы, как и ноги. Мозоли – вполне ожидаемая плата за красоту – не в счет.

Я стянула носки и осмотрела пальцы. Длинные. Почти красивые. На левом мизинце ноготь врастать начал... а я на педикюр записалась. В понедельник... будущий...

Всхлипнула.

И велела себе успокоиться. В конце концов, я пока еще жива, а фантазии... ну, со всеми случается. Или не со всеми. Избранная я или как? Надо вести себя соответственно. Будем считать происходящее квестом. Допустим, если имеется фантазия, то она не на пустом месте появилась. Возьмем за аксиому, что все происходящее не случайно.

Следовательно что?

Мне нужно разобраться.

Отыскать, так сказать, высший смысл. Заглянуть в глубины собственной личности и найти способ вернуть указанную личность в тело.

План, пусть и несколько безумный, меня почти успокоил. А поскольку бездействию я всегда предпочитала действие, то немедленно приступила к его реализации. Бросив взгляд на окошко – корова подняла голову и уставилась на меня немигающим взглядом кровавых глаз, – я передернула плечами.

Нет. Окошко пусть побудет закрытым.

Как-то так оно мне спокойней. А вот комнату, точнее покой, предоставленные прекраснейшей Агнии-тари, стоило бы изучить.

Две комнаты.

Санузел, выложенный розовой же плиткой.

Ванна-корытце.

И белоснежный унитаз, уместный на космическом корабле едва ли не меньше, чем красноглазый коровомонстр.

Спальня.

Огромная кровать с балдахином.

Ковер.

Полочка с чучелами котят.

Я закрыла глаза, понадеявшись, что обстановка несколько изменится, но нет, стоило их открыть, и я вынуждена была признать поражение: полочка осталась на месте.

И котята.

Черный. Рыжий. Белый. Пушистые комочки со стеклянными глазами, в которых мне виделся упрек. Вынести подобного моя душа была не в силах, а потому дверь в спальню я прикрыла.

В гостиной – комната, похоже, выполняла именно эти функции – было как-то спокойней. По сравнению с мертвыми котятами ядовито-розовые обои в лиловый горох как-то меркли.

Как и кружевные скатерочки.

Такие Калерия любила вязать, а бабушка именovala их мещанской радостью. Скатерки висели на стенах, возлежали на спинке единственного кресла, укрывали единственный стол.

Что еще стоило упомянуть?

Полочки, числом в дюжину. И вазочки, выстроившиеся на этих полочках. А среди вазочек прятались баночки. Обыкновенные. Поллитровые. Под закатку. Стоит сказать, что смотрелись они вполне гармонично. И даже бутылка водки, гордо возвышавшаяся среди склянок с духами, вписывалась в безумную обстановку.

Я присела на край кресла.

И закрыла глаза.

Ну же, Агния! Постарайся! Ты должна сосредоточиться и вернуться домой... в собственное тело... нет, может быть, тело это и не пригодно для жизни...

Тело отозвалось свербением в пятке.

И копчик заныл.

Затекла шея.

Нет, так не пойдет. Я должна отрешиться... загудела ко-
рова.

Да, определенно, медитация – это не мое. И почти сдавшись, я приоткрыла глаз. Вовремя: дверь, кстати, тоже розовая и в горох, приотворилась.

Беззвучно.

И в нее просунулась полупрозрачная когтистая лапа. Дотянувшись до стены, лапа замерла, а в щели показалась физия – все же как-то не очень вежливо именовать ее мордой – почтеннейшего ксенопсихолога.

– Доброго дня, о прекраснейшая Агния-тари, – сказал он,

обнаружив, что замечен. И улыбнулся.

Во всю пасть.

Блеснули белизной острые треугольные зубы, и меня передернуло.

Нет, фантазия фантазиями, но все-таки... не хватало, чтоб меня в этих фантазиях сожрали.

– Доброго, – не очень-то по-доброму – настроение не располагало – ответила я и туфлю поближе подвинула. Подумалось, что стоило бы пересест поближе к баночкам-вазочкам.

– Вижу, вы освоились.

Он продолжал улыбаться.

А я, не пытаясь скрыть интереса, разглядывала гостя.

Изменился.

И с чего это я решила, что он человекообразен? Нет, скорее уж проглядывало в облике... как его зовут-то? Неважно, главное, проглядывало что-то этакое, рептилиеподобное.

Голова крупная.

Лицевая часть черепа вытянута, при этом рельеф сглажен, отчего голова напоминает дыню. Конечно, если бы дыни были покрыты мелкой чешуей. И обладали двумя парами глаз.

Карих.

С длинными ресницами.

И взгляд-то проникновенный, печальный, будто известны добропорядочному рептилоиду все мои неприглядные мысли.

Голова эта сидела на тонкой подвижной шее, которая, не

иначе как под тяжестью оной головы, слегка прогибалась. И кожа на ней морщила, обвисала бледным мешочком-зобом, который быстро и часто пульсировал.

Я отметила узкие плечи.

И непропорционально короткие передние конечности о трех пальцах.

– Мой облик внушает вам отвращение? – меж зубами мелькнул длинный язык. – Это инстинктивная неприязнь, которую вы со временем преодолете.

А, и костюмчик сменил.

Теперь на этой жертве моего воображения был многослойный балахон из полупрозрачных тканей всех оттенков розового.

И лиловый бант на шее.

Понятно, кто обстановкой в комнате заведовал.

– Да... в общем-то... я толерантна, – поспешила уверить я. – Просто вы выглядели несколько иначе...

– Псевдооблик, – ксенопсихолог все же вошел в комнату целиком, включая длинный мускулистый хвост. Свернув его крючком, он оперся на него. Сложил трехпалые лапы на груди.

А задние, куда более мощные, выставил.

– Мы не хотели вас пугать, – доверительно произнес он и зубы облизал. – И посчитали, что при первом контакте вам будет удобнее беседовать с особями своего вида.

– Спасибо за заботу.

Все же галлюцинация или нет, но воспитание никто не отменял.

Мало ли.

– Я рад, прекрасная Агния-тари, что вы столь спокойно отнеслись к переменам...

Ну, поистерить я, конечно, тоже могу. Только какой в этом смысл?

– Признаюсь, мы все испытывали определенные опасения. Ваш мир относится к числу закрытых...

Я слушала и кивала.

Закрытый.

Конечно.

И открывать его не надо. Не хватало, чтобы всякие рептилоиды по нему шастали, и не только, подозреваю, они.

– ...Что в свою очередь говорит о высоком уровне агрессии и низких социально-адаптивных возможностях...

А умные у меня глюки. Недаром я шесть лет на медицинский убила.

– ...И тем приятней осознавать, что нам повезло с вами, – он вновь улыбнулся и коготь меж зубов сунул. Будь когти не такими острыми, а зубы – не такими длинными, это выглядело бы мило.

– Рада, что вы рады, – я перевела взгляд на окно, за которым с прежней унылой сосредоточенностью разгуливала красноглазая корова. – Скажите... а это зачем?

– Вам нравится?

На бледной шкуре ксенопсихолога расплылись розовые пятна.

– Не уверена, – честно призналась я, когда корова в очередной раз подняла голову. – Это... существо... меня несколько беспокоит. Оно сюда не заберется?

– Сюда?

Щелкнули зубы, а мешок шейный завибрировал мельче и чаще. Ксенопсихолог же издал тонкий протяжный звук, на который корова откликнулась гудением.

– Нет, что вы... это всего-навсего голограмма. Замечено, что длительное пребывание в замкнутом пространстве крайне негативно отражается на психике гоминидов. Вследствие чего и были придуманы такие вот...

– Окна?

Голограмма.

Логично. Что лугам и коровам в космосе делать? Даже во-ображаемом.

– Именно. Чудесно, что вы понимаете. Обычно корабль сам выбирает картинку из банка данных, одобренного Галактической ассоциацией ксенопсихологов, – когти теребили бант, стоило ли считать сие признаком волнения? – Но для вас было создано новое изображение. Это ведь животное вашего мира... травоядное...

Моего?

Травоядное?

Не знаю, не знаю... картинка – это одно, но вот живьем

с этим, с позволения сказать, продуктом голографического творчества я бы столкнуться не хотела.

– А почему у нее глаза красные? – мне и вправду было любопытно.

– Изображение было доработано согласно рекомендациям Совета Галактической ассоциации ксенопсихологов. И существующим правилам создания...

Тогда понятно.

Про рекомендации и правила он мог мне ничего не рассказывать. Помнится, у нас в подсобке хранилось два ящика этих самых рекомендаций и правил, которые при проверках торжественно извлекались и водружались в красный угол, временно тесня чемпионские кубки Саныча.

Документы сии были многословны.

Путаны.

Противоречивы.

И порой возникало ощущение, что они создавались именно для того, чтобы всячески затруднить работу нормальным людям.

– Сочувствую, – искренне сказала я. И попросила: – А отключить ее можно?

– Вам не нравится?

– Мне просто хотелось бы взглянуть на стандартные... и если можно, без звука.

А то мало ли, вдруг корова – не худший их вариант, если и прочие картинки дорабатывались в соответствии с рекомен-

дациями и уложениями.

– Конечно, конечно...

Он вытянул худую лапку и надавил на браслет. Пробормотал что-то, а что – я не разобрала, и корова исчезла. На месте ее возникла пустыня.

Желтая.

Почти безжизненная.

Яркое солнце. Золотые барханы... ветер рисует на песке узоры.

– Пожалуй, мне нравится... – Пустыня завораживала.

Интересно, а если на нее помедитировать? Вдруг да получится...

Глава 4

Сидящее напротив существо женского пола радовало своим редкостным здравомыслием и отсутствием негативных реакций, столь свойственных гоминидам. Старший ксенопсихолог, пожалуй, готов был признать изначальное свое негативное отношение к плану Ицхари ошибкой.

Самка не плакала.

Не швырялась предметами.

Не требовала доктора и успокоительного.

Она была мила и улыбалась.

И даже шока не испытала, на что, признаться, Берко весьма рассчитывал. Нет, она сидела и пыталась держаться на равных, демонстрируя ровные белые зубы, к счастью, слишком маленькие и слабые, чтобы инстинкты Берко восприняли самочку как потенциальную угрозу.

Слабенькая.

Мягонькая.

И упоительно теплая... Берко раздраженно щелкнул когтями: он профессионал, в конце концов, с особым допуском к работе с теплокровными. А потому мысли, возникшие в его голове, пусть и естественны, но недопустимы.

Если инстинкты самочки сработают, все осложнится.

А все и без того было сложным... после прошлого инцидента. Честно говоря, Берко и не надеялся на второй шанс.

Более того, он почти смирился с возвращением. С должностью какого-нибудь младшего аналитика при центре, к которой прилагается минимальное соцобеспечение, крохотная нора и туманная перспектива когда-нибудь дожидаться своей очереди на инкубатор. А сейчас... сейчас от этой розовой самочки зависит его, Берко, будущее.

Продление контракта.

Льготы.

И гонорар, которого хватит, чтобы оплатить коммерческий инкубатор на два места. Или даже на три? Выйдет дороже, но зато и шансов больше, что кто-то из детенышей пройдет отбраковку.

Нет, нельзя рисковать.

И Берко подавил в себе желание пересечь поближе к самочке – ее тепло манило, и пусть в собственной его каюте поддерживалась комфортная для жизнедеятельности температура, но куда инфракрасным обогревателям до живого тепла.

– Скажите, – самочка оторвала взгляд от голограммы – Берко поставил ей пустыню Шадара, чтобы заочно познакомиться с новым миром. И самочка приняла вид благосклонно. – А нельзя ли и обстановку изменить?

– Можно.

Не нравится?

А он старался.

Анализировал визуальные ряды, благо примитивная циф-

ровая сеть той планетки худо-бедно, а информацию хранила. Соотносил их с положениями и рекомендациями – не хватало, чтобы при срыве миссии расследование обвинило его, Берко, в самоуправстве и отступлении от норм.

Конструировал.

Согласовывал.

Вносил поправки.

И вот теперь выясняется, что самочке результат не по вкусу.

– Хочется... чего-нибудь нового, – солгала она и добавила: – Без мертвых котят.

– Простите?

Берко постучал по коммутатору. Не то чтобы это как-то улучшало работу последнего, но тело требовало движения. Однако резкие жесты могли испугать самочку.

Приходилось сдерживаться.

И напоминать себе.

Контракт.

Гонорар.

Инкубатор. Три места. Определенно. И если все детеныши окажутся удачными, то одного можно будет продать, частично возместив убытки.

– Там, – она указала на дверь, за которой располагалось спальное отделение ее норы. – На полочке. Чучела котят.

Она поднялась.

И это плавное движение, расслабленное, свидетельствую-

щее, что здесь и сейчас самочка чувствует себя в безопасности, всколыхнуло древние инстинкты. Берко с трудом подавил желание немедленно метнуться за нею.

Сзади.

Подсечь хвостом слабые ноги, а когда жертва упадет, прыгнуть на спину, выпуская когти в податливую плоть. И затем одним движением челюстей прервать мучения.

Он затряс головой.

Определенно, пора было начинать очередной курс релаксантов и психокорректоров. И упражнения он зря забросил.

Все проблемы.

И тревоги.

Ситуация, в которой он оказался...

Рептилоид смотрел на меня... вот примерно так я смотрю на отбивную, пожалуй. От этого становилось слегка не по себе.

Нет, не будет же он меня есть!

Он – интеллигентное существо, со званием, при должности, кто бы позволил работать психологу, имея он обыкновенные отгрызать кусок-другой от пациента? Нет уж, он должен получать удовольствие, выковыривая оным пациентам мозг.

– Вот, – я указала на полочку со скорбными мертвыми котятками. – Можно это убрать?

Надеюсь, что можно, поскольку перспектива сна на полу меня не прельщала.

– Нам казалось, что при виде этих домашних животных жители вашего мира испытывают положительные эмоции.

– Испытывают, – согласилась я. – Но когда животные живые!

– Что вы, – рептилоид сложил лапки на груди. – Изъятие из биоценоза живого животного может нанести ему существенный вред.

– Кому?

– Биоценозу.

И центральная пара карих глаз затянулась пленочкой третьего века.

– А...

То есть изъятие мертвых животных биоценозу не вредит? И мне интересно, они естественной смерти дожидались или же поспособствовали? И вообще, как вышло, что меня изъять можно, а котят... хотя, наверное, стоило порадоваться.

Я живо представила чучело себя на подставочке.

И жениха, взирающего на оное чучело с умилением... нет уж, лучше я буду противозаконно изъятим живым животным, чем...

– И Управление по контролю за вывозом редких животных крайне негативно относится к подобной практике...

– Ну, если Управление... а это...

– Муляжи, – просветил меня рептилоид, и вторая пара глаз исчезла за плотными веками. А окрас изменился, появились в нем лиловые полосы и нежно-голубые пятна.

Хотелось бы взглянуть на мир, породивший этакого... хищника. Почему-то хищником ксенопсихолог не воспринимался. Нет, я отдавала себе отчет, что зубы у него острые и когти тоже выглядят отнюдь не жертвой безумного маникюра, но все равно.

Хищник и розовый окрас?

Лиловые горошки?

Балахон этот с бантиком?

Глаза карие, с поволокой... нет, карие глаза для хищника – это же почти неприлично! А что взгляд... может, я ему сестру напоминаю.

Или тетушку.

И в конце концов, вряд ли мое подсознание, создавшее весь это растреклятый антураж, желает мне навредить. Я, может, и не психолог – два курса и факультатив, – но искренне верю в собственную адекватность.

– Муляжи, – повторила я с нервической улыбкой.

И рептилоид кивнул.

Его кивок больше походил на поклон, и сцепленные замком пальцы сходство усиливали.

– Замечательно... просто замечательно...

– Установка в жилых отсеках чучел существ, даже неразумных, – уточнил ксенопсихолог, – требует отдельного согласования с Управлением по социальным девиациям.

– У вас и такое есть? – я восхитилась мощью своей фантазии. А мой собеседник лишь руками развел.

– Если бы вы состояли на учете, – пояснил он, – и если бы ваш консультант-адаптолог выдал справку, что для обеспечения вашего внутреннего покоя и дальнейшей социализации вам требуется чучело...

– Не требуется.

– ...Ваше заявление всенепременно рассмотрели бы.

Глава 5

По тарелке растекалось нечто.

Розовое и воздушное.

Пахнущее духами, тот самый полузабытый мною аромат «Красной Москвы», который ассоциировался с бабушкой, но никак не с обедом.

– Вам не нравится? – заботливо осведомился ксенопсихолог, и зоб на его горле надулся.

– Я к такому не привыкла. Что это?

– Ишасский пудинг...

– Пудинг – это Агния... – пробормотала я и, решившись, ткнула-таки в него вилкой.

Пудинг задрожал, но не сдался.

– Агния – это пудинг... мы теперь знакомы...

– Это обычай вашего мира – разговаривать с едой? – уточнил ксенопсихолог. Он жевал что-то темное, с виду донельзя напоминающее жареных кузнечиков. И так смачно.

С хрустом.

У меня даже появилось желание стянуть одного-другого кузнечика, все лучше, чем воздушное, но непробиваемое нечто.

– Нет. Это... а нормальная еда у вас есть? – когда пудинг очередной раз продавился вилкой, но не зацепился за нее, я сдалась.

– Согласно требованиям Ассоциации пассажиров, на любом корабле класса Б имеется еда, способная удовлетворить запросам ста двадцати семи рас.

– Чудесно...

– Гоминиды любят пудинг.

– Я исключение.

Разозлившись, я воткнула вилку в центр розового облачка. И оно лопнуло, обрызгав меня слизью.

– Вот видите, вы справляетесь, нужно лишь привыкнуть, – рептилоид забросил в пасть очередного кузнечика и захрустел. – Не нужно перестраивать себя под требования вашего партнера. Это повлечет возникновение глубокого внутреннего конфликта.

Чудесно.

Запах духов стал четче. Мерзее.

А я слизнула розовую каплю с запястья. Если не поем, так хоть узнаю, какова на вкус инопланетная еда.

Сладкая.

А еще вязкая, что клей. Зубы моментально слиплись.

– ...Его развитие не будет способствовать скреплению вашего брака.

– Мгы...

– И моя цель – донести до вашего понимания вашу самоценность...

– Мнгу...

Свою самоценность я ощущала в полном, так сказать, объ-

еме, более того, если верить дорогой своей бабушке, то ощущала ее даже как-то слишком.

Так сказать, с перебором.

Рептилоид же, скovyрнув застрявшую меж зубов соринку, коготь облизал и продолжил:

– ...Чтобы при встрече с вашим женихом ваша личность не пострадала.

Главное, чтоб его личность не пострадала.

Я с трудом, но расцепила зубы и тарелку отодвинула. Вилку, заляпанную розовой пакостью, тоже отложила. Вытерла салфеткой руки. Языком провела по клыку, который давно уже шатался, убеждаясь, что не выдрала его этим... чудо-клеем.

– Мяса, – отчетливо произнесла я, – хочу. Жареного.

Рептилоид мигнул.

От самочки исходили волны негатива, которые Визари честно пытался глушить, но получалось с трудом.

Упряма.

Агрессивна, что странно с учетом ее небольших размеров. И все-таки Ицхари должен был большее внимание уделить истории того Древними забытого мирка. Но время, время... время уходило, и Визари ощущал это особенно остро.

Он разменял не один десяток циклов.

И экспедиция нынешняя была отнюдь не первой, в которой ему довелось принять участие. Более того, ему нрави-

лась его работа.

Агентство.

Полеты.

Перелеты.

Миры и существа, разум которых был открыт и сладок.

Эмоции.

Ах, какие они испытывали эмоции... разве на болотах родного Роо-Шоуна Визари встретил бы подобные? Хрупкая нежность, словно первоцвет... и сладость предвкушения... первая встреча. Удивление. И восторг. И недоумение порой.

Иногда – острое негодование, которое он, Визари, приглушал, исподволь убеждая особо упрямое создание, что видит оно воплощение всех своих желаний.

Идеал.

И видеть, как это навязанное убеждение вращается в разум, превращается в часть мировоззрения... пропущенные Приливы Роо-Шоуна того стоили.

Самка полыхнула раздражением.

Вот что с нею не так? Или рептилоид на нее так действует? Следовало признать, что, даже относясь к одной биологической группе, рептилоид все же оставался для Визари чуждым. И отнюдь не потому, что прочесть его было сложно.

Неэтично.

Но и писать эмоции на камни тоже неэтично. Да и незаконно... с другой стороны, эти камни принесут немалую прибыль, которая, вкупе с прочими накоплениями, позволит

Визари приобрести два-три фарлонга побережья.

И новый Прилив он встретит на своем песке.

Он выстроит гнездо из розовых круглых камней, до которых так охочи молоденькие самочки, а дно застелет широкими листьями ла-орши. И лучше, если таких гнезд будет несколько. Когда же поднимется темная луна, последняя в сонме сестер своих, Визари пошлет призыв.

Он сочинил песню из чужих эмоций.

И ныне добавлял в нее последние ноты... вот, к примеру, эту напористость... она яркая, горьковатая, и эта горечь поможет разбавить излишнюю сладость общего фона, оттенить прочие эмоции. Да, пожалуй, она стоит того, чтобы Визари ее записал.

– Как она? – вопрос Ицхари несколько отвлек, что от самочки, что от размышлений по поводу того, где именно – в прелюдии или завершении – ее эмоции будут смотреться уместно.

– Тяжело.

– Она приняла его...

Чувствительные волоски Ицхари задрожали, выдавая волнение. Более того, сейчас впервые за многие годы Визари ощущал отголоски эмоций.

Инсектоид волновался.

И был преисполнен отчаянной решимости во что бы то ни стало свести самочку с круоном.

– Она не до конца уверена, что происходящее с нею ре-

ально, – Визари было жаль начальника, но собственное сожаление, впрочем, как и все иные эмоции, было вялым. – Это плохо.

Самочка требовала мяса.

Визари ощущал и ее голод, и возмущение, и еще усталость.

И собственное обычное недоумение, тоже вялое. Зачем все настолько усложнять? Или все дело в том, что и эта самочка, и круонцы потеряли связь со своим Морем? Для них не звучит голос Прилива. Они забыли о песке и гнездах, которые надо беречь. Они придумали длинные и сложные, порой совершенно безумные брачные танцы, но все равно не способны выбрать партнера сами.

– Сделай что-нибудь!

– Она плохо поддается воздействию...

– Она гоминид. Ты раньше работал с гоминидами... они мягкие, ты сам говорил! – жвалы Ицхари раздраженно щелкали, а псевдоусы трепетали, роняя тончайшие былинки пыльцы. И запах тревоги делался ощутимым, волнующим.

А ведь в копилке Визари почти нет негативных эмоций.

Возможно, и они пользовались бы спросом?

– Гоминиды психически неустойчивы, – Визари сложил передние конечности на груди, чуть склонил голову – поза смирения и покорности воспринимается одинаково, что рептилоидами, что инсектоидами, и действует на собеседника успокаивающе. – Эмоционально нестабильны. Но облада-

ют хорошими аналитическими способностями. Попробуйте действовать с точки зрения логики. Убедите ее.

– Если бы только ее...

Острые выступления на передних конечностях завибрировали, издавая тонкий неприятный звук, который, пожалуй, можно было интерпретировать как сигнал тревоги.

И Визари прикрыл глаза.

Он сосредоточится на работе.

Он убедит самку не нервничать.

Не проявлять агрессии.

Быть... самкой.

Мягкой, требующей защиты и опеки... беззащитной... беспомощной... и пусть потребляющей в пищу мясо, но... и хищные самки иногда проявляют мягкость... и внимание.

Они слушают собеседника.

И относятся к его словам серьезно. А еще очень... очень сильно желают одомашниться, выйти замуж и отложить много-много яиц...

То есть детенышей.

Визари выпустил воздух из верхней пары легочных мешков: все-таки живорождение при всех его преимуществах имело существенный недостаток. Сам Визари не желал и представлять, каково это – провести остаток дней с какой-нибудь самкой.

Впрочем, работы это не касалось.

Одомашниться...

И замуж.

Я смотрела на кусок слегка обжаренного мяса, стараясь не думать, кем оно было при жизни. Нет, раньше меня не посещали мысли столь странно-вегетарианского направления, и вид куриной тушки не вызывал отвращения, как и кусок свиной вырезки.

Но здесь...

– Что это? – я ткнула вилкой в эту отбивную, немалой, к слову, толщины. Прищурилась – мало ли, вдруг да и она разлетится розовой слизью. Но мясо осталось мясом.

– Мясо, – с бесконечным терпением ответил рептилоид.

И, облизнувшись, уточнил:

– Жареное.

– Чье?

– В каком смысле? – он повернул голову, и теперь меня изучали два его правых карих глаза.

– Кем оно было... ну, до того, как стать мясом... то есть... я не ем... разумных существ...

– Есть разумных существ неразумно.

Бредовый разговор, как и все вокруг, но в сути своей этот бред вполне даже логичен. Поэтому я кивнула: безусловно, есть разумных существ неразумно, как и каких-нибудь гигантских слизней или блох... нет, я смутно помню, что блохи на стейки не годятся, но мало ли.

А вдруг?

И рептилоид сжалился.

– Потреблять в пищу живых существ запрещено, – сказал он, и тонкий раздвоенный язык проскользнул в ноздрю.

– А, понимаю. И неудобно... ты ешь, а оно сопротивляется.

Язык дернулся.

Щелкнули зубы. А в карих глазах появилось престранное выражение.

– И Ассоциация потребителей не одобряет, – печально произнес он. – Мясо синтетическое, но по вкусовым качествам и по составу оно полностью соответствует нормативам, выдвинутым Независимой кооперацией плотоядных...

И вздохнул.

А мешок под горлом опал.

Надо же... у них тут, похоже, шагу ступить нельзя без одобрения какой-нибудь ассоциации или кооперации... синтетическое мясо?

Ела я как-то соевое рагу, которое старательно выдавали за мясное. Ощущения были... специфические. Будто жуешь хорошо проперченный, залитый соусом картон.

Ну или котлету из университетской столовой.

Но мясо я попробовала. Во-первых, сама же требовала, во-вторых, было любопытно, сохранились ли эти ощущения. Все-таки чувствительность рецепторов в бредовых состояниях должна бы снижаться.

Мне так кажется.

С рецепторами все было в порядке. А мясо... мясо как мясо, что-то среднее между говядиной и свининой. Сочное. Сладковатое слегка. Приправы непривычны, но в целом очень даже неплохо. Во всяком случае, у меня получалось куда хуже.

Вечно пересушивала.

Ксенопсихолог... все-таки как его зовут-то, а то неудобно получается? Ладно, как-нибудь выясню, но взирал он на меня с умилением.

Облизывался даже.

А у меня... у меня вдруг возникло странное, почти непреодолимое желание выйти замуж. И вправду, что это я сопротивляюсь? Чем плохо?

Толик... Толик был сволочью, а нынешний жених – дело другое. Шутка ли, целый адмирал в частное мое владение. Красив. Умен. Силен.

Богат.

Да любая девица мечтает о подобном!

Я едва не подавилась куском мяса.

Это что за выплеск гормонов? Следствие полученной травмы? Да я и в нежные детские годы о замужестве не мечтала, не примеряла кружевных покрывал, не представляла себя невестой... и вдруг.

Подавляемые желания выбрались на свободу?

– Что-то не так? – ксенопсихолог подался вперед.

– Все замечательно, – откашлявшись, произнесла я. И

улыбнулась. Широко. Счастливо... а какой счастливой я стану, воссоединившись с женихом...

У меня будет свое гнездо...

Какое гнездо?

Воображение среагировало мгновенно. И пред внутренним моим взором возник матерый разлапистый дуб, в ветвях которого застряло тележное колесо. На колесе громоздились ветки, а среди веток восседала я, в белом пышном платье и драной фате.

Дом.

Не гнездо, хотя гнездо лучше... море, мягкий песок...

Море я люблю, но чайкой себя не ощущаю.

И детенышей живородить.

Я замотала головой.

Детенышей?

Это и вовсе бред. Детеныши... да, я их, конечно, любила, но исключительно чужих и на расстоянии. И чем больше было расстояние, тем крепче становилась моя к ним любовь. Ее хватало даже на то, чтобы с должным восторгом просматривать очередную сотню снимков, внимать рассказам и сочувствовать, когда сего требовала ситуация.

Но свои...

Нет, детей я не хочу.

Детей я боюсь.

Во младенчестве они розовые, обманчиво хрупкие и орут нечленораздельно. А подрастая, орут уже членораздельно,

но от этого легче не становится.

Откуда тогда...

Дом.

Замужество. Любая самка мечтает о сильном самце.

Я не мечтаю.

Не я мечтаю.

Я отложила вилку и отодвинула тарелку с недоеденным стейком. Я была сыта и полна сил... и возмущения.

– Прекратите, – сказала я, глядя в глаза рептилоиду, и тот дернулся, поспешно отвел взгляд, чем подтвердил самые страшные мои опасения.

Меня зомбируют.

– Это не я!

Рептилоид поспешно вскочил.

– Все равно прекратите, или... или не знаю, что я с вами сделаю!

– Вам не причинят вреда, – это произнес не рептилоид, голос я узнала, а вот существо... это хорошо, что я тарапанов не боюсь, как не боюсь кузнечиков и прочих представителей инсектофауны. – Поверьте, все, что мы делаем, делаем исключительно для вашего блага.

– Это... вы?

Глупый вопрос. Если это и не он, то так и скажет... однако работает у меня фантазия. Может, очнувшись, стоит в писатели податься?

Сочиню историю о любви без границ.

В космосе.

Продам... разбогатею... куплю себе новые туфли.

– Прекраснейшую Агнию-тари смущает внешний мой вид? – существо произносило слова нараспев. – Мне сказали, что готовы вы принять естественное обличье мое.

И существо повернуло голову к рептилоиду.

– Готова, – подтвердил тот. – Она не собирается лишаться сознания.

– Не собираюсь.

Наверное, трудно упасть в обморок, уже в нем пребывая. Да и вид... пожалуй, несколько необычен, но и только. Ныне было в Ицхари что-то не от кузнечика даже, от богомола.

Высокий.

Хрупкий с виду, хотя я осознавала, что хрупкость эта – не более чем иллюзия. Хитиновый панцирь куда прочнее моих костей.

Вытянутая голова с парой фасеточных глаз.

Ветвистые усы-веера.

Массивные, угрожающего вида жвалы, которые медленно шевелились, будто Ицхари что-то пережевывал. Выпуклая грудь с двумя парами конечностей. Узкая перемычка. Массивное, бледное брюшко, обернутое полупрозрачной тканью... точнее, сперва мне это показалось тканью, но потом я поняла. Не ткань. Крылья.

– И не кричит.

– Не кричу, – согласилась я. Странное спокойствие удив-

ляло меня саму. Раздражал не столько вид Ицхари – подумаешь, насекомым уродился, всем по-разному в жизни не везет, – сколько внушенное желание выйти замуж.

А в том, что желание это мне внушили, я больше не сомневалась.

– А... почему вы раньше... выглядели... иначе? – в общем-то вопрос логичный, странно, что задаю я его с трудом. На языке вертятся другие.

О гнезде.

О женихе... я затрясла головой и сунула палец в ухо. Не знаю, как они воздействуют на мой раненый мозг, но живой не дамся...

– Мы действовали согласно установленному протоколу, – провозгласил рептилоид. – Особи вашей группы чрезвычайно легко возбудимы и, несмотря на объективную разумность, слишком остро реагируют на новое, но благосклонно относятся к особям своей видовой группы...

Чудесно.

Но при всем своем желании я бы в жизни не приняла насекомое за особь своей видовой группы.

– Был использован стандартный псевдооблик, – пояснил Ицхари.

Что ж, объяснение вполне в духе моей галлюцинации.

– А почему я вас понимаю?

Потому что сложно не понять себя же. Но мне было интересно, что они ответят. Ведь должна же я получить объясне-

ние в рамках нынешней фантазии. И рептилоид не подвел.
– Стандартный курс гипнообучения. Вы говорите на унилингве.

Умилительно.

Меня обучили под гипнозом... унилингве... это я еще во времена университетские мечтала, чтоб мне кто в голову внедрил знания, к примеру, о систематике костных рыб.

Вот.

Дождалась.

Правда, без рыб.

– Эта методика совершенно безвредна! – поспешил заверить Ицхари. – Ваш мозг...

Не был задет новым званием. Понимаю.

Рептилоид же ничего не сказал, но подвинул к себе мою тарелку. Вилкой он не озаботился. Сверкнули розовые коготки, и остатки куска распались на тончайшие полоски, которые рептилоид насадил на когти же и отправил в рот.

Они тут что, персонал недокармливают?

Голодом морят заслуженного специалиста?

– Инстинкты, – мешок под горлом рептилоида разбух. – С некоторыми сложно бороться... мясо должно быть потреблено сейчас или... позже...

– Зобные железы уважаемого Берко-таро вырабатывают ферменты, замедляющие расщепление белков. И таким образом пища может храниться достаточно продолжительное время, – пояснил Ицхари.

Берко.

Точно, Берко... А таро – похоже, обращение, вроде мистера.

Запоминай, Агния, неизвестно, когда ты отсюда выберешься, и выберешься ли вообще.

– В прежние времена это позволяло предкам херринготов запастись пищу...

Средняя пара глаз затуманилась.

А инсектоид качнул усами, в чем мне привиделся упрек.

– У всех нас... есть свои инстинкты, – сказал он со вздохом. – Иногда разум... это так ничтожно мало.

А я вдруг отчетливо представила бледно-желтый, какой-то желеобразный берег моря. И само море, тоже ничего общего с нормальным не имеющее. Оно было темным, дегтярным и густым. Море подбиралось к берегу, растворяя в водах желе, и приносило с собой мелких розовых тварей. Те же, очутившись на песке, в нем и застревали, они неуклюже шевелили короткими конечностями, переваливались с боку на бок и ползли к яминам, выложенным розовым жемчугом.

Картина была столь бредово-яркой, что я улыбнулась.

Я откуда-то знала, что будет дальше: самки отложат яйца, каждая принесет с дюжину, а то и две. И, похудевшие, освободившиеся, вернутся в теплые объятия моря. И весь следующий год проведут, мигрируя с теплым течением, следом за стаями сладкого криля. Нагуляют жир, набыют желудки камнями и водорослями, чтобы в очередной Прилив вернуть-

ся...

Жуть какая.

Я себя прямо-таки самкой и ощутила.

Безмозглой, подвижной исключительно инстинктом размножения. Не способной и на то, чтобы в свободном плавании отличить своего малька от бледной креветки. Самкам все равно, что есть...

– Прекратите немедленно! – сквозь сцепленные зубы потребовала я. – Или...

– Простите, – неискренне произнес Ицхари и щелкнул жвалами. – Мы лишь пытаемся настроить вас на позитивный лад.

– Я и так позитивна!

– Вы не должны нервничать... круонцы очень чувствительны к чужим состояниям, и если вы будете нервничать...

Театральная пауза совершенно меня не успокоила.

Что?

Если я буду нервничать, то мой потенциальный жених отгрызет мне голову?

Похоже, вполне может и такое случиться... и вообще...

– А... – неожиданная мысль пришла мне. – К слову о... об этом вашем... к...

– Круонце?

– Именно... он кто?

– Круонец.

Я поняла, что не человек.

– Взглянуть-то можно?

Мало ли, вдруг да кома моя затянется. Некоторые люди вон годами лежат, в себя не приходя, а если так, то и представление нынешнее будет развиваться по логическим законам бреда. А выходить замуж за какого-нибудь инсектоида, пусть будет он хоть трижды крылат, мне как-то не хотелось.

Щелкнули жвалы.

А крылья Ицхари окрасились в бледно-розовый колер, к счастью, на сей раз обошлось без горошков, но все равно выглядело так, будто бы инсектоид смутился.

– А вы...

– Морально созрела, – я уставилась на пульсирующий зоб ксенопсихолога. – Только прекратите убеждать меня, что я сама желаю построить гнездо на берегу...

Глава 6

Гроза пиратов и надежда третьего рукава галактики Нкрума Одхиамбо из рода Тафари прятался под столиком. Столик был махоньким, хрупким и со всех сторон укрытием являлся до отвращения ненадежным. И поэтому Нкрума закрыл глаза.

Как в детстве.

Если ты не видишь пустыню, то и она слепа.

К сожалению, чудесное это правило матушки не касалось.

– Дорогой, – донесся ее голос.

Ласковый.

И от этой ласковости шерсть на затылке дыбом встала.

Нкрума подтянул хвост и зажмурился покрепче. Глядишь, матушка притомится обыскивать все сто пятьдесят три комнаты родового поместья, а заодно уж остынет.

Тогда и поговорить можно будет.

Наверное.

– Дорогой, не будь глупцом, я тебя все равно найду...

Столик задрожал, и чашки из белого стекла, которое встречается лишь в одном месте – на дне спящего вулкана Оххари, – зазвенели, предательски выдавая убежище. Не стоило надеяться, что матушкин слух подведет... она, конечно, вышла из возраста девичьего, но была вполне себе бодра.

Быстра.

И клыкаста.

Нкрума змеей выскользнул из-под стола, надеясь, что успеет добраться до старой гардеробной, куда отправляли матушкины вещи, которые ей надоели, но еще не настолько, чтобы вовсе лишиться дома.

Метнулся.

И уперся носом в туфли.

Домашние.

Мягкие.

Вышитые золотой нитью.

– Дорогой, – матушкин голос сделался еще мягче, – мне кажется, или ты пытаешься от меня спрятаться?

– К-кажется.

Нкрума вздохнул.

Нет, с пиратами, определенно, было много проще...

На загривок опустилась маленькая ручка. Стиснула шкуру, давая ощутить остроту когтей.

– Хорошо, а то я начала волноваться... вдруг бы выяснилось, что ко всем прочим грехам ты еще и воспитан дурно.

Коготки пробили кожу.

Потянули, поднимая на ноги.

Нкрума подобрал лапы, подумав, что стоило прислушаться к совету брата и уехать... куда-нибудь, неважно куда... если попросить политического убежища...

Матушка подобного позора не вынесет.

– ...И если прочие твои недостатки можно списать на де-

фектные гены, – ручка разжалась, и Нкруму ласково потрепали по гриве, – то дурное воспитание есть лишь мое упущение... это было бы плохо.

– Да, мама.

– Встань.

Он встал. Сначала на четвереньки, потом во весь рост. Втянул голову в плечи, стесняясь, что вышел слишком крупным даже для самца. Матушка ему и до подбородка не доставала, но...

– Какой большой мальчик, – восхитилась она, ущипнув за щечку, как всегда делала искренне нелюбимая Нкрумой тетушка в далекие детские времена. – Вырос... вымахал... силы набрал... а в голове по-прежнему пусто.

– Мама, я...

Договорить не вышло.

Острый нос матушкиной туфельки впился в колено, а когда Нкрума, охнув, согнулся в три четверти, по лбу ударила сумочка.

Маленькая.

Тяжелая.

Из кожи шарраха. Шитьем украшенная и камнями. А мамыны пальцы ухватили за ухо.

– Когда ты уже думать начнешь?

– Я...

– Это надо было... позор... – она меланхолично дергала ухо в стороны, и голова Нкрума моталась. В какой-то момент

он с тоской подумал, что если ухо вовсе оторвется, то матушку это успокоит.

Немного.

– Балбес, – она разжала пальцы и вытерла платочком. – Но почти женатый.

– Что?

Лучше б она ухо оторвала. Нкрума читал, что иногда песчаные сайаши, попав в капкан, отгрызают себе лапу, лишь бы на свободе оказаться, и сейчас понял, что лапа – не такая уж высокая цена.

– Вижу, дорогой, ты проникся... – Матушка шлепнула по носу, но уже без былой злости. – Я прямо-таки счастлива сообщить тебе, что брачное агентство отыскало наконец счастливицу, которая соответствует всем выставленным тобой требованиям.

И в голосе вновь появились медовые нотки.

– Но...

– За исключением одного нюанса, дорогой... Вы, такие умные, забыли указать кое-что...

– Что? – обреченно спросил Нкрума, уже понимая, что бежать поздно.

– Она не круонка! – рывкнула матушка так, что хрустальные подвесы концертной люстры задребезжали. – Вы, два веселых барраха... как вы могли обойти вниманием первый пункт анкеты? Оставили его незаполненным.

Сумочка вновь шлепнула по носу и, соскользнув, впилась

металлическим уголком в глаз, благо Нкрума успел вовремя зажмуриться.

– Мама! Я не...

Как такое получилось?

Письмо.

Анкета, которую Нкрума собирался заполнить честно.

Брат.

Погоня.

Пустыня.

Отправка... первый пункт...

– Ты не подумал? Не успел подумать, занятый беготней по пескам... ты... – сумочка поднималась и опускалась на голову со звенящим гулким звуком. Может, конечно, звук этот исходил не от сумочки, а от головы, которая, согласно матушкиным убеждениям, была пуста, как мусорная корзина, но легче от этого не становилась.

– Мама, но как же...

– Как дети? Те здоровые девочки, которыми наш род мог бы гордиться? – Матушка сдула с носа длинную прядку. – И крепкие мальчишки, чьим воспитанием я бы занялась и, поверь, не повторила бы своих давних ошибок? Или как наша репутация? Или твои перспективы в Союзе... хотя нет, в Союзе подобные браки весьма модны... небольшая генетическая коррекция решит проблему с размножением, или же всегда можно воспользоваться донорской утробой.

Матушка взмахнула рукой и замерла.

Нахмурилась.

Коснулась пальчиком виска, стирая морщины, которые осмелились появиться на ее совершенном лице. И совершенно иным, спокойным, голосом произнесла.

– Надеюсь, теперь ты осознаешь, в какое неудобное положение поставил весь наш род.

Нкрума мазнул хвостом по ковру.

Не то чтобы он осознавал, во всяком случае, подозревал, что осознание это, на которое матушка столь уповала, было недостаточно глубоким, а раскаяние – искренним. Но годы жизни и немалый опыт подсказывали, что в данном конкретном случае следует согласиться.

Вообще, если с матушкой соглашаться, жизнь станет спокойней.

Предсказуемей.

А шкура – целее.

– Хорошо... хорошо, что есть шанс все исправить. Ты ведь постарайся сделать все возможное, чтобы исправить?

– Конечно, мама.

– Чудесно. Я не сомневалась, что ты еще не потерян...

В данный конкретный момент времени Нкрума Одхиамбо из славного рода Тафари не отказался бы потеряться, сгинути где-нибудь в песках Великой пустыни или, на худой конец, в Большом пылевом облаке Ифферно, которое, по новым данным, считалось условно разумным, а потому было запрещено для посещений.

Но он лишь кивнул.

И позволил взглянуть на матушку сквозь ресницы. Выглядела та подозрительно довольной, что предвещало близкие перемены в жизни Нкрумы.

– И эта выходка слишком нелепа, чтобы за ней не искали второго дна, – матушка положила сумочку на столик.

Щелкнула пальцами.

И приняла стакан с ледяной водой. Сделала глоток, прополоскала рот и сплюнула в приоткрытый венчик сацеллии. Получив долгожданную влагу, тот захлопнулся и свернулся в темно-красный шар. Шар втянулся в горшок, но не прошло и минуты, как на поверхности его появились тонкие иглы с капельками нектара...

– Да, пожалуй... будет интересно...

И где-то в углу комнаты зазвенела глупая пустынная муха, разбуженная сладким этим ароматом.

– Итак, дорогой, – матушка проследила за полетом насекомого, которое вилося, привлеченное нектаром, но не спешило испробовать его. – Послезавтра корабль подойдет к внешнему кольцу. Времени, чтобы подготовиться ко встрече...

Муха замерла.

Желтое полупрозрачное тело ее преломляло свет. Дребезжали слюдяные крылья.

Она казалась обманчиво неподвижной.

– ...Дом убрать... гости... мы обязаны представить твою

избранницу всем... надеюсь, она окажется милой... если нет, это не так и важно.

Не важно?

Да...

– Для тебя, дорогой, она будет самой прекрасной женщиной во Вселенной. Надеюсь, пол-то ты не забыл указать? Потому что если забыл, то вполне возможно, он будет самым прекрасным мужчиной во Вселенной.

Нкрума сглотнул.

Громко так.

А муха опустилась пониже. Она зависла над особенно крупной каплей, в которой отражались и она сама, и еще частично – белый потолок комнаты. Капля дрожала, муха колебалась.

Ее мучил голод.

И опасения.

– Но мы ведь надеемся на лучшее, верно? – Матушка ободряюще похлопала по руке. – В конце концов, нашему народу давно пора покончить с вековыми предрассудками и замкнутостью, которые лишают мир благ цивилизации.

Нкрума вновь сглотнул.

Он в упор не помнил, указывал ли в анкете пол. Ему это казалось очевидным, там, в пустыне. А теперь...

Самец.

Самка... гермафродит? И какие еще есть варианты?

Воображение нарисовало мелкого рыжего самца, покры-

того частично хитином, частично – чешуей. И шелка традиционного облачения невесты-круонца сползали с могучих плеч его, задерживаясь на россыпи хитиновых выростов. Невест тянул суставчатые руки, желая заключить Нкрума в горячие объятия.

Щелкали жвалы в жажде поцелуя.

Дрожали веерообразные усы, роняя шелуху отлущенных чешуек, и в фасеточных глазах невеста читался молчаливый укор.

Нкрума вздрогнул.

И покосился на столик. Под ним, конечно, не спрячешься, но если взять катер и запросить политического убежища...

– Ты вот-вот станешь членом Галактического Совета, что огромная честь и для тебя, и для нашей семьи... – Матушкин голос звучал ровно, с верной толикой пафоса.

Муха опустилась ниже.

Коснулась хоботком нектара и, уверившись, что капля безопасна, опустилась на ловчий отросток.

– ...Хотя, конечно, непонятно их желание видеть в Совете самца... войны – это одно, а управление государством – совсем другое.

Ловчий отросток покачнулся.

Свернулся.

И исчез под землей вместе с мухой, облепленной сладким пищеварительным соком сацеллии.

– Но это неважно, главное, что этим браком мы продемон-

стрируем уважение к межнациональным ценностям империи и готовность...

Муху было жаль.

Но себя жальче.

– Мам, а может...

Воображаемый невест выпустил дыхательные отростки, на которые мигом налип песок.

Нет, братец не так безумен, чтобы пропустить столь важный пункт...

Или...

Никто ведь не рассчитывал, что они и вправду кого-то да найдут.

– Мам, – Нкрума решил прервать речь матери, – а может, просто неустойку выплатим, а? У меня ведь есть деньги...

Невест погрозил клешнями. Он был тверд в своем желании выйти замуж и, подтверждая серьезность намерений, выплеснул маслянистый железистый секрет, который растекался по хитину.

– Нет, дорогой, – матушка хищно улыбнулась. – В роду Тафари никто и никогда не отступал. Поэтому ты встретишь свою невесту... женишься на ней. И будешь счастлив в браке. Ясно?

Над горшочком с сацеллией поднялось розоватое облачко ароматных семян.

Глава 7

Я закрыла глаза.

И досчитала до десяти. Потом на всякий случай – и до ста. Так оно верней, ибо если мне примерещилось, то пусть отмерещится обратно.

Я домой хочу!

И даже на работу, а это уже, поверьте, показатель.

Главное, подальше отсюда.

Глаза открывала поочередно. Сначала правый, слегка дальнозоркий, потом левый, который, верно, компенсации ради, был несколько близорук. В среднем, если верить статистике, зрением я обладала идеальным или близким к тому.

Статистике я не верила.

И сейчас готова была понадеяться, что оное зрение меня подвело.

Но нет. Никуда не исчезли кают-компания – а разнообразия ради я решила называть это помещение именно так – и компания, в ней собравшаяся.

Серые стены.

Псевдоокно с унылым пейзажем – то ли горы, то ли барханы, но какого-то депрессивно-бурого колера, и болотного оттенка небеса. Низкие диваны, покрывала, не то рваные, не то плетеные с дырками... мягкий розовый пол в дырочку.

Или ямочку.

Он пружинил под ногами, и я не могла отделаться от ощущения, что стоит сделать неверный шаг, и пол разверзнется.

Вся троица собралась здесь же.

Ицхари устроился на полу, хитро изогнув брюшко. И четыре шипастые конечности превратились в своего рода подпорки. Крылья же распахнулись и вновь сменили цвет...

Рептилоид свернулся клубочком на пуфике. Глаза его были прикрыты, а зоб мелко и часто пульсировал. По коже же бежали лиловые и розовые полосы... пожалуй, в обстановку моей комнаты Визари чудесно вписался бы.

Менталист – толстое неповоротливое создание с редуцированным панцирем – забился в угол. На меня он смотрел не моргая... может, не умел просто?

Главное, что больше я не испытывала желания снести десяток-другой яиц.

Хорошо.

– Поверьте, – щелкнули жвалы, а на крыльях проступили бледно-желтые пятна. – Нет причин для паники. Совершенно.

Это он, конечно, лукавил.

Причина была.

Даже отвлекшись от нелепости самой нынешней ситуации, перспективы развития аккурат на панику и вдохновляли.

Перспектива.

– Я лично проводил собеседование...

Ну да, несомненно, и убедился, что клиент их, тот самый расчудесный клиент, чей вдохновляющий портрет поразил меня до глубины души, существо всех мыслимых и немыслимых достоинств. А теперь попытается убедить в этом меня.

– ...И наш уважаемый Берко может подтвердить, что адмирал лишен агрессии.

Ага, и на досуге вышивает крестиком.

Не пройдет.

Я скрестила руки на груди.

Замуж?

Ни за что!

Замуж за вот это... это... у меня слов не находилось подходящих, чтобы описать... вот это описать.

– Снимок не отражает всей мощи...

Зато отражает другое.

Существо на вышеупомянутом снимке больше всего походило на результат безумного эксперимента, в котором льва скрестили с гориллой. От льва бедолаге досталась всклокоченная грива, в которой виднелись куски чего-то белого, с виду весьма напоминающего кость, и длинный хвост с кисточкой. От гориллы – массивная и несколько диспропорциональная фигура. Морда... ну, морда, пожалуй, была человеческой.

Более-менее.

Широкая переносица.

Тяжелые надбровные дуги. Массивная нижняя челюсть, выдвинутая вперед. И пара блестящих клыков.

Душка... просто душка...

Особенно хорош драный плащ, возлежащий на могучих плечах, и дубина, которую существо держало с легкостью, хотя по виду дубина эта весила немало.

А взгляд какой проникновенный... вот просто-таки до печенок.

– Знаете... – я пальчиком отодвинула тонкий листок, поверхность которого пошла рябью, и показалось, что женишок подмигнул мне заплывшим красным глазом. – Я, пожалуй, морально не созрела для столь ответственного шага, как замужество.

– Вы дозреете, – произнес ксенопсихолог и щелкнул зубами.

Проникновенно так щелкнул.

А мне подумалось, что зря я не принимала его всерьез. Подумаешь, розовый... Тигры, если разобраться, тоже веселенькой расцветки, что не мешает им жрать газелей.

– А если...

– Вы постарайтесь...

Менталист сдавленно хрюкнул, а крылья Ицхари распахнулись... чудо, а не крылья. Были бы обстоятельства иными, полюбовалась бы.

– Я стараюсь... но найдите другую дуру!

Мало ли их, в самом-то деле, во Вселенной? Но оказалось,

что мало.

– Вы уникальны, – с присвистом произнес Ицхари, и крылья его встрепенулись.

Чудесно.

Уникальная идиотка.

С уникальным бредом.

– Вы соответствуете всем ста шестидесяти трем пунктам, заявленным заказчиком.

Что?

Скольким?

Ста шестидесяти трем?

Это вот чудовище с глубиной еще и разборчивым оказалось. Ему не просто так невесту подавай – ему по спецзаявке.

– Это каким же?

Надо же знать, где мне в жизни не повезло. И вообще, может, если его волнует вес, я успею набрать пару-тройку килограммов... или скинуть, что вероятней, на чудесном местном рационе?

– Вы молоды, происходите из хорошей семьи.

– Да неужели?

Конечно, бабушка-фронтовичка и ее боевая подруга – это престижно, но сомневаюсь, что в галактических рамках имеет значение.

– Ваша мать имеет награды...

А про нее-то я и забыла. Награды? Что-то не припомню. Впрочем, о матушке моей бабка говорила неохотно, а уж

профессию, ею выбранную, и вовсе полагала глупостью. Не будет взрослый нормальный человек фиглярствовать.

А другие за это не станут платить.

Лучше б в продавщицы шла, если на большее мозгов не хватает. Или в парикмахерши, те частным порядком неплохо получают. А бабушка, пусть и в коммунистических идеалах выращена, здравого смысла не лишена.

– Ваш отец...

Исчез однажды утром, если верить прекрасной семейной легенде, выдвинутой матерью, а бабушкой подкорректированной крепким словом.

– ...Состоит при совете депутатов...

Чего?

Надо же... и все-таки буйное у меня воображение. Папочка-депутат... вернусь в сознание, надо будет полистать старую мамину записную книжку. Авось и найду кого.

Зачем?

А чтоб было... чтоб больше не возникало странных фантазий.

– ...Регионального ранга. При этом вы как особь отдельные и самостоятельны.

Я кивнула.

Сушая правда. Отдельна и самостоятельна, и таковой собираюсь остаться. А они мне тут... дикаря с дубиной.

– Вы получили хорошее образование в рамках своего мира...

Они небось и табель с отметками к делу приложили. И ту докладную, которую завучиха в выпускном накатала, поймав меня и еще трех девиц с бутылкой портвейна и сигаретами. Очень уж она возмущалась, прочила скорое падение и аморальный образ жизни.

А я вот в биологи пошла.

Зачем, спрашивается?

Лучше б и вправду медсестрой... им шоколадки иногда перепадуют.

– ...Умеете готовить. Убирать.

Ага, то есть этот гад боится зарастить грязью и сдохнуть с голоду? Интересно, мои таланты подлежат апробации, или он Ицхари на слово поверит?

– ...Увлекаетесь шитьем и вязанием... поете...

Я не стала уточнять, что пела я в церковном хоре. У Калерии на старости лет приключился всплеск любви к кошкам и Богу. Кошек она прикармливала к возмущению почти всех жителей старенькой трехэтажки, а Богу молилась.

Меня же тягала с собой для вразумления.

Она так думала.

На самом деле бабка моя требовала Калерию сопровождать и воздействовать на остатки ее разума словом. Сама-то она на почве веры со старой подругой вусмерть разругалась, вот и... в общем, как я в хоре оказалась, уже не помню. То ли по инициативе Калерии, то ли по собственному безумному почину, главное, что отказать мне не отказали – не по-

христиански это, но просили петь потише.

Глядишь, и не будет слышно, как фальшивлю.

– ...Вы вели собственное хозяйство...

Которого старый кот, оставшийся от Калерии и почивший вечным сном в прошлом месяце, и однокомнатная квартира.

– ...Достаточно здоровы, чтобы зачать и выносить минимум троих детей...

Еще чего.

Ему надо, пусть он и зачинает... и вынашивает. Троих! Да меня при мысли об одном потрясывать начинает. А ему троих...

– А... – мой здравый смысл вернул меня к проблеме, – скажите, а ничего, что мы... как бы это выразиться... к разным биологическим видам принадлежим?

Нет, на моей родной планете, о которой я вспоминаю уже с умилением, тоже варвары попадаются, пусть не в плащах, но спортивные штаны с лампасами тоже неплохо подчеркивают истинную сущность настоящего мужика. Иные варвары и волосаты.

С битой вместо дубины...

Но чтобы клыки...

Хвост...

И вообще...

– Не стоит переживать, – в фасеточных глазах Ицхари я отражалась, словно в зеркальном комод. – Наши генетики сделают небольшую коррекцию, и вы...

– Нет!

У любого бреда должны быть границы.

– Понимаю, вы взволнованы... вы нервничаете... вам следует успокоиться и подумать... настроиться на позитив...

В ушах зашумело море.

И я выдохнула.

И вправду, чего это я разнервничалась? Есть еще время. И сомневаюсь, чтобы сам жених был готов ко встрече со мной... Цвет волос, цвет глаз.

Размер ноги.

Он бы еще количество позвонков в копчике указал.

Все это похоже скорее на попытку создать такой список требований, по которым не получится найти невесту. Латентный ментальный дар... У кого?

У меня... осознание пришло вместе с булькающим смехом. Море веселится? Или... Я перевела взгляд на менталиста, который будто бы дремал, но...

Поэтому на меня так сложно воздействовать...

Дар крайне редкий, у гуманоидов практически не встречается, поскольку строение их мозга не способно выдержать нагрузки. И мне следует быть осторожной.

Буду.

Спасибо.

Море зашумело и подползло, раскинулось у ног верным псом.

– ...Это ваш шанс, – вкрадчиво произнес Ицхари, и блед-

но-голубые крылья его завибрировали. Запахло мандаринами, захотелось праздника. – Вы должны им воспользоваться...

Чувствую, придется.

Выбора мне не оставят.

Земля в иллюминаторе...

Не Земля.

Эта планета походила на старый волейбольный мяч. Рыжий, с проплешинами, то светло-золотистого колера, то бурыми, на рубцы похожими.

– Это горы, – Ицхари держался рядом, будто опасался, что без его заботы я немедленно пропаду. Признаюсь, соответствующее желание было, но я держала себя в руках.

Куда я могла пропасть с космического корабля?

Планета медленно ползла по орбите, подставляя желтому же солнцу и без того пропеченные бока. Полюса ее, лишённые привычной с детства знакомой белизны – хотя, конечно, ее я видела исключительно на глобусах и еще в фильмах «Дискавери» – имели неприятный буро-зеленый оттенок.

– Зона болот, – Ицхари дернул крыльями, и под ними раздулось два полупрозрачных мешка. – Закрытая... этот мир до недавнего времени не слишком жаловал гостей.

Одна луна.

И станция, больше похожая на ошетилившегося ежа. Станция боевая, как мне сообщили, знакомя с потенциаль-

ным местом обитания. Полуавтоматическая. И управляется искусственным интеллектом, выращенным круонцами.

Не то чтобы во Вселенной вовсе не занимались вопросами искусственного интеллекта.

Занимались.

Кристаллы айхаров.

Яйца шиibu, способные вписаться в любой биотехнологический модуль.

Программы – имитаторы личности, которые использовались повсеместно и были вполне хороши, но не являлись интеллектом в полной мере.

Они умели собирать информацию.

Анализировать.

Делать выводы.

Учиться даже, но притом оставались программами, в высшей степени логичными, предсказуемыми и потому не способными действовать в сложных ситуациях.

А у круонцев вот получалось.

Как?

Кто их знает...

– Крайне закрытая раса... Есть мнение, что на их планете некогда обитали Предтечи... более того, сохранены были Предметы... – фасеточные глаза Ицхари затуманились, а сложенные конечности скользнули по груди, выдавая тонкий протяжный звук. – И Всемирная ассоциация археологов не единожды обращалась с петицией разрешить раскопки, но

увы...

Усики печально обвисли.

А я покачала головой, выражая сочувствие.

– Есть мнение, что именно поэтому представителей кру-
онцев и пригласили в Совет...

Не из большой любви, выходит, а чтобы получить сред-
ство давления. Логично... Дать попробовать вкус власти, а
потом отнять и пообещать вернуть.

Одно непонятно, если им так нужна планета, то почему ее
попросту не завоюют?

И я вопрос задала, глядя, как медленно плывет в про-
странстве еж космической станции. Не такая она и огром-
ная... и пушки, конечно, выглядят серьезно, но сомневаюсь,
чтобы у галактического правительства не нашлось альтерна-
тивы.

– Война? – от волнения крылья Ицхари расправились и
затрепетали. – Простите, но Всегалактическое объединение
любителей мира против войн!

Надо же, и такое нашлось.

Любят они тут объединяться. Интересно, а есть ка-
кая-нибудь организация, защищающая интересы недоволь-
ных невест? И как к ней обратиться?

Пожаловаться.

Похитили.

Из родного мира выдернули и замуж отдают без белого
платья...

– Круонцев пытались завоевать несколько раз, – ксенопсихолог старательно не смотрел в окно, точнее, не в окно, а на развернувшуюся панорамную имитацию, которая и позволяла мне полюбоваться что Вселенной, что новым домом. – И последний раз – двести лет тому... у них сохранились записи.

Зоб его, еще раздутый, мешал говорить, и голос Берко звучал глухо, часть звуков вообще стиралась.

– И что случилось?

Тоска по морю нахлынула.

И сгинула, неубедительно попытавшись сообщить, что пустыня – то же море, только из песка.

– Их мир крайне агрессивен, – Ицхари развел передние конечности, а по шкуре ксенопсихолога побежали лиловые дорожки. – Сами круонцы стараются не выходить за пределы поместий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.